

САМЮЭЛЬ ЭЛИОТ
МОРИСОН

ЖИЗНЬ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

ВЕЛИКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
И ОТКРЫТИЯ,
КОТОРЫЕ
ИЗМЕНИЛИ
МИР

Самюэль Элиот Морисон

**Жизнь Христофора Колумба.
Великие путешествия и
открытия, которые изменили мир**

«Центрполиграф»

1942

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4

Морисон С.

Жизнь Христофора Колумба. Великие путешествия и открытия,
которые изменили мир / С. Морисон — «Центрполиграф», 1942

ISBN 978-5-9524-6053-9

С.Э. Морисон, будучи не только профессиональным историком, но и военным моряком, стал первым биографом Колумба, который пересек Атлантический океан на парусном судне, повторив маршрут прославленного морехода. В книге, удостоенной Пулитцеровской премии за достоверное и увлекательное жизнеописание Христофора Колумба, большое внимание уделено четырем морским экспедициям, в ходе которых были открыты морской путь в Индию и Новый Свет, рассмотрены особенности кораблестроения и навигационного дела того времени и отражен дух эпохи Великих географических открытий в целом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-6053-9

© Морисон С., 1942
© Центрполиграф, 1942

Содержание

Предисловие	7
Первые сорок лет	11
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Предисловие

Посвящается экипажам баркентины «Капитан» и кеча «Мэри Отис», совершившим экспедицию по местам Колумба, организованную Гарвардским университетом в 1939–1949 годах.

Эта книга стала результатом желания точно знать, где в своих четырех плаваниях побывал Колумб и каким он был моряком. Ни одна из предыдущих работ о «первооткрывателе Америки» не отвечает на эти вопросы так, чтобы удовлетворить даже мореплавателя-любителя. Большинство биографий Адмирала Море-Океана вполне можно было бы озаглавить «Колумб у кромки воды». Авторы этих работ потратили слишком много времени, занимаясь нелицеприятными сплетнями о его рождении, характере и ранних годах жизни. Таким образом, у них не осталось места, чтобы подробно останавливаться на том, где и как он плывал. К первым, более или менее объективным из них, можно отнести Питера Мартиру, Овьедо, Фернандо Колумба и Бартоломео де Лас Касаса. Они обладали большим чувством меры и такта, но опускали многие вещи, считая их очевидными, и, само собой, не называли многие места в соответствии с их современными названиями. Фон Гумбольдт, Мердок и Ирвинг заполнили некоторые пробелы, а Шарко дал точную оценку морскому мастерству Колумба. Но ни Ирвинг, ни Шарко никогда не бывали в Вест-Индии, а у великого фон Гумбольдта, которого, казалось, интересовала вся Вселенная, не нашлось достаточно времени на более подробное изучение этой темы.

В колониальную эпоху личность Колумба не слишком интересовала людей, но, по мере того как Америка завоевывала независимость и заставляла Европу признавать свою важность, весь западный мир присоединился к празднованию четырехсотлетия 1492 года. Европейские библиотеки и архивы были обысканы в поисках любой современной информации о ранних путешествиях, и находка «Raccolta di Documenti e Studi»¹ в фундаментальной коллекции исторических источников итальянского правительства стала впечатляющим результатом. Наиболее ценные документы нашлись в архивах испанского Университета Наварры. Столь же замечательные находки иногда делали такие крупные исследователи, как Харрис, Гулд, Ассерето, а также герцогиня Бервикская и герцог Альба. Таким образом, материала для описания всех четырех путешествий Колумба набралось достаточно, однако мало что из него было использовано с какой-либо пользой. Ни один биограф Колумба, по-видимому, не выходил в море в поисках света и истины. Вы никогда не сможете написать историю морских путешествий пятнадцатого – шестнадцатого веков, которая будет что-то значить для современного читателя, просто изучив их в библиотеке с помощью карт. Такие «плаванья», осуществляемые сидя в кресле, одновременно скучны и бесполезны. Эти труды можно сравнить с работой над текстами древних книг по естествознанию, проводимой без «выходов в поле» и без экспериментов.

Например, Фрэнсис Паркман, величайший североамериканский историк, не удовлетворялся изучением истории Канады в читальном зале Бостонской библиотеки. Он шел маршрутами французских исследователей, разбивал лагерь в диком лесу и жил среди первобытных индейцев. В результате живой работы «на земле» в сочетании с историческим воображением и неповторимым стилем повествования на свет появился монументальный семитомник «Франция и Англия в Северной Америке». Это не просто плоская земля, созданная из череды слов на бумаге, а новая картина в трех измерениях и настоящая история, в которой читатель осознает пространство и свет, землю под ногами, небо над головой.

В некотором роде это то же самое, что я пытался сделать для своего «Колумба». Зимнее плавание на небольшом парусном судне вдоль Наветренных и Подветренных островов дало

¹ «Сборник документов и исследований» (ит.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иного.)

мне живой комментарий к современным рассказам о Втором путешествии Колумба и доказало, что методы Паркмана на открытом воздухе столь же пригодны и для морских условий. Я изыскивал пути и средства для того, чтобы пройти и другие плавания по маршрутам Колумба под парусами. С этой целью Пол Хэммонд с друзьями организовали экспедицию под эгидой Гарвардского университета. Мы купили и оснастили баркентину «Капитан», которая по размерам и оснастке была достаточно близка к большим кораблям мореплавателя, – хотелось пересечь океан в условиях, очень похожих на те, что были в его время, и увидеть острова и побережья глазами великого путешественника. Уильям Д. Стивенс, как глава всего предприятия, внес свой вклад, приобретя 45-футовый кеч «Мэри Отис», подходящий на «Нинью». Выйдя раздельно, в августе и сентябре 1939 года, мы достигли широт Первого путешествия Колумба при возвращении домой, чтобы повторить проведенные им наблюдения за погодой, птицами и водорослями Саргассова моря. При проходе Азорского архипелага мы очень внимательно осмотрели остров Санта-Марию, после которого, получив печальный опыт², Колумб отправился в Лиссабон, Сент-Винсент и Палос-де-ла-Фронтеру. Мы же вышли на океанский переход из Гомеры в Тринидад, примерно совпадающий с курсом Третьего путешествия, но высадились на берег 12 декабря 1939 года, в отличие от Колумба, совершившего то же самое 31 июля 1498 года. С несколько большим трепетом в сердцах, нежели отмечалось в судовых журналах экспедиции, мы прошли пролив Бока-дель-Сьерпе и встали в венесуэльском заливе Пария. На его северном берегу наша экспедиция точно установила место, где Колумб впервые вступил в контакт с американскими колонистами и формально вступил во владение Кастилией и Леоном. Проследовав через Бокас-дель-Драгон, мы вышли на курс Третьего путешествия к Маргарите, посетили Картахену и оказались у входа в Дарьенский залив, то есть в том месте, где Адмирал в последний раз покинул берега Нового Света во время Четвертого плавания. Несколько сбивчивые рассказы о заключительном путешествии прояснились, когда нашей экспедицией были обследованы карибские берега Панамы и Коста-Рики. Наняв местный шлюп, мы совершили непростую высадку в устье Рио-Белен – здесь Колумб пытался обосноваться на материке. Найдя проход между заливом Альмиранте и лагуной Чирики (который, как ожидал Колумб, должен был вывести его к Индийскому океану), мы зашли в Коста-Рику и далее отправились к Ямайке.

Летом 1940 года капитан Стивенс и я ходили на «Мэри Отис» по маршруту Первого путешествия Колумба от места его выхода на сушу в Сан-Сальвадоре, а далее – через Багамские острова до Кубы и вдоль берега прекрасной провинции Ориенте до мыса Майей. Там мы проследили маршрут его кубинского исследовательского похода 1494 года. Стивенс провел кеч в залив Гуантанамо и Сантьяго-де-Куба, вокруг мыса Круз, через Эль-Хардин-де-ла-Рейна и мимо Сьерра-де-Тринидад в Сьенфуэгос. За это время судно набрало слишком много воды, поэтому остаток пути до «провинции Манги» пришлось пройти, находясь на борту гостеприимной кубинской канонерской лодки с малой осадкой.

В других случаях – в 1938 и 1939 годах – я ходил на правительственных патрульных катерах, местных шлюпках и прочем, что попадалось под руку, вдоль берегов Эспаньолы, Виргинских островов и Пуэрто-Рико. Никарагуа и Гондурас я приберег для другого путешествия, но война на неопределенный срок отложила это удовольствие, и я решил завершить эту часть исследований, не делая ее больше повторно.

Хотя я и не оставил без внимания проблемы, связанные с национальностью, рождением, ранними годами жизни Колумба, а также преследуемыми им целями, большее внимание в этой уделено конкретным делам и мастерству моряка. Я в большом долгу перед работами морских

² 25 декабря 1492 г. каракка «Санта-Мария» села на рифы. 12 февраля 1493 г. поднялась буря, и в ночь на 14 февраля каравеллы «Нинья» и «Пинта» в районе острова Санта-Мария (Азорские острова) потеряли друг друга из виду. Шторм был настолько сильным, что испанцы готовились к неминуемой гибели.

археологов Эрнесто Д'Альбертиса, Чезаре Фернандеса Дура, перед терпеливым корреспондентом Д. Хулио Гильеном и покойным другом капитаном А. Фонтура да Костой. Последний прекрасно знал технические стороны мореплавания в 1492 году – конструкции и оснащения судов, способы их проведения, методы навигации, морские порядки и ритуалы. Надеюсь, что главы на эти темы достаточно ясны и просты для понимания любым человеком, будь то моряк или сухопутный житель. Полагаю, что даже самый неискушенный читатель сможет понять условия мореплавания в то время и оценить превосходную работу, проделанную Колумбом и его экипажами.

Возможно, найдутся читатели, которые окажутся разочарованными, не найдя здесь «подлинного портрета» Колумба – даже не ищите, его просто нет. Некоторые могут задаться вопросом, почему в этой книге нет общей карты, отображающей все четыре экспедиции туда и обратно, хотя другие, менее амбициозные биографии Адмирала обычно ее содержат. Истинная причина, опять же, заключается в том, что не существует достоверных материалов, отслеживающих внешние переходы Колумба через океан (за исключением Первого путешествия и, с очень большими допущениями, Третьего). Объясняется это тем, что только Первое было тщательно изучено опытными навигаторами. В остальных случаях океанских переходов мы знаем лишь только точки отправления и место выхода на сушу. Любая попытка проследить фактический курс, учитывая, что суда двигались под парусом, относится к области предположений и чистых догадок. Но наш опыт плавания в Карибском море позволил с достаточной точностью проследить маршруты Колумба вдоль американского побережья и между островами, отметить его якорные стоянки и определить пункты, которые он сам называл.

За исключением монументального сборника «*Raccolta di Document! e Studi*», практически невозможно найти точные печатные тексты источников о путешествиях Колумба, а заслуживающих доверия переводов (плохих предостаточно) не существует. Я сделал собственные переводы, которые вместе с избранными текстами будут опубликованы в другой книге под названием «Дневники Колумба и другие документы о его жизни и путешествиях».

Людей и организаций, которые помогли написанию этой исторической реконструкции, так много, что я не могу назвать их всех. Это президент США Франклин Д. Рузвельт и Госдепартамент, президент Панама Аугусто С. Бойд и правительство республики, президент Кубы Ларедо Брю и правительство республики, министерства иностранных дел и военно-морские чиновники Португалии, Испании, Колумбии, Коста-Рики, Гаити и Доминиканской Республики, губернаторы и администраторы Азорских островов, Мадейры, Больших Канарских островов, Гомеры, Тринидада, Ямайки, Виргинских островов, Сент-Круа и нескольких островов Багам, исторические, научные, географические общества Лиссабона, Лас-Пальмаса, Тринидада, Панама, Сантьяго-де-Куба, Гаваны и Сан-Хосе, а также компания *United Fruit Company* – это лишь малая доля тех, кто оказывал помощь самого различного характера. Множество портовых служащих, ученых, антикваров и других людей самых разных профессий перечисленных стран и островов с радостью предлагали сотрудничество в поисках искомой информации и гостеприимно принимали нас на берегу. Корпорация Карнеги, Образовательный фонд Меллона в Питтсбурге, Исследовательский фонд Милтона Гарвардского университета, а также некоторые фирмы и частные лица оказывали финансовую поддержку и выделяли людей и материальные средства для Гарвардской экспедиции Колумба. Среди людей, которым я особенно обязан, хочу выделить мистера и миссис Хэммонд за организацию экспедиции, Уильяма Д. Стивенса за незаменимую и вездесущую «Мэри Отис» и мой собственный секретарский «штат» – капитана Джона У. Макэлроя и Альберта Харкнесса-младшего (оба моряки), доктора Милтона В. Анастоса (научного сотрудника) и мисс Флоренс Берлин (постоянную сотрудницу). Я хотел бы коллективно и по отдельности поблагодарить представителей прессы в Соединенных Штатах, Португалии, Испании, Латинской Америке и британских владениях в Вест-Индии

за их сочувствие и мощную рекламную поддержку, которая позволила встретиться с местными экспертами и получить от них множество важных фактов.

В качестве последнего приветствия всем нашим хозяевам, сторонникам, вкладчикам, коллегам по работе и доброжелателям я посылаю морскую фразу, которую помощник капитана Хосмер использовал на борту «Капитана», когда паруса были правильно установлены, а реи правильно закреплены.

– Первый сорт!

С.Э. Морисон

Первые сорок лет

– Одно дело – описывать что-нибудь в качестве поэта, а другое – в качестве историка, – сказал Самсон. – Поэт может изображать людей и события не такими, какими они были в действительности, а какими должны бы быть; между тем как историк обязан представить их такими, какими они были, не обращая внимания на то, какими желательно было бы видеть их. Вообще, историк не имеет права ни прибавлять ничего к правде и убавлять от нее.
«Дон Кихот», ч. 2, гл. 3

Глава 1 Пролог

В конце 1492 года большинство мужчин в Западной Европе смотрели в будущее крайне мрачно. Христианская цивилизация, по-видимому, сокращалась по площади и разделялась на враждующие между собой кланы по мере того, как ее сфера суживалась. На протяжении более ста лет естественные науки не имели значительного прогресса, а желающих получить университетское образование становилось все меньше, поскольку преподавание оказывалось все более скучным, а наука – все более бесполезной. Учебные заведения приходили в упадок, прежде благонамеренное общество становилось циничным и отчаявшимся, а блестящие умы, за неимением лучшего занятия, пытались убежать от настоящего, обращаясь к языческому прошлому.

За счет христианского мира теперь активно расширялся ислам. Все попытки вернуть Гроб Господень из Иерусалима, как пробный камень христианского престижа, потерпели неудачу. Османы, уничтожив все, что еще оставалось от Византийской империи, захватили большую часть Греции, Албании и Сербии и собирались настойчиво стучаться в ворота Вены. В течение полувека каждый новый папа провозглашал очередной крестовый поход, но Европа видела в этих призывах к долгу лишь простой способ сбора денег. Дошло до того, что Иннокентий VIII использовал турецкого принца в качестве заложника, видя в этом хорошую возможность вымогать деньги и поддержку у османов. Этим ставился мат Франции, король которой демонстрировал явные признаки того, что собирается пуститься в легкую авантюру вторжения в Италию, нежели тяжелую борьбу с турками. Один из величайших скандалов христианского мира – великий раскол – действительно был временно преодолен, но лишь дорогой ценой жестокого подавления церковных реформ. По большому счету, это только спровоцировало неизбежность возникновения протестантизма и дальнейший более постоянный протестантский раскол. В 1492 году папство достигло дна, когда коррумпированный церковный политик Родриго Борджиа был избран на престол Святого Петра под именем Александр VI.

Если обратиться к Священной Римской империи, светскому аналогу католической церкви, картина станет более яркой. Воспитанный, но бездеятельный император Фридрих III, изгнанный из своих австрийских земель королем Венгрии, в конце концов удалился от дел, чтобы пуститься в занятия астрологией и алхимией; его сын Максимилиан любил многое обещать, но не любил свои обещания реализовывать. Война Алой и Белой розы была завершена, однако мало кто ожидал, что Дом Тюдоров продержится долго. Признаки общественного оживления проявлялись только на Пиренейском полуострове – в Португалии и Кастилии, но они находились слишком далеко, на периферии Европы, чтобы изменить общую картину вырождения и упадка.

После практического распада империи и с потерей церковью морального лидерства христиане утратили точку опоры. Великий принцип единства, представленный императором и папой римским, стал несбыточной мечтой о прошлом, а незыблемая вера в институты предков пошатнулась. Казалось, что сам дьявол усвоил для себя принцип «разделяй и властвуй». По всей Западной Европе властвовали глубокое разочарование, циничный пессимизм и черное отчаяние.

Преобладающие настроения, царящие в обществе, можно уловить, прочитав последние страницы «Нюрнбергской хроники». Колофон этого величественного старинного фолианта, датированного 12 июля 1493 года, гласит, что в нем содержатся «события, наиболее достойные внимания, от начала мира до бедствий нашего времени». Чтобы ни у кого из читателей не возникло неоправданного оптимизма, нюрнбергские летописцы относили 1493 год к «Шестой или предпоследней эпохе мира» и оставили шесть чистых последних страниц, предназначенных для записи событий с момента публикации «Хроник» до Судного дня. Затем начинается пророчество о «Седьмом и последнем веке», «по сравнению с которым наш век, в котором беззаконие и зло достигли высшей точки, можно считать счастливым и почти золотым». По мнению западных хронистов, только нечестивые будут процветать, а добрые люди впадут в презрение и нищету; не будет ни веры, ни закона, ни справедливости, ни мира, ни человечности, ни стыда, ни истины, «сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань...»³, война и гражданские беспорядки распространятся по всему миру, соседние города падут, сражаясь друг с другом, и существование станет настолько отвратительными, что ни один человек не сможет вести хорошую жизнь. Тогда исполнится вся стяжка Апокалипсиса: потоп, землетрясение, мор и голод; посевы не будут расти, и плоды не созреют; источники высохнут, и воды потекут с кровью и горечью, так что погибнут все птицы небесные, звери полевые и рыбы морские. Седьмой ангел выльет седьмой сосуд, и ужасный Судный день, окрашенный в злоецветающие цвета Откровения святого Иоанна, завершит историю нечестивого мира.

Таковой была тяжесть обличительных речей, проповедуемых Савонаролой в самодовольной Флоренции. Таково, можно сказать, было и общее ожидание серьезных общественных мыслителей в 1492 году. И именно как раз в то время, когда нюрнбергские летописцы вносили последние корректуры в инкунабулу Кобергера⁴, испанская каравелла «Нинья», несмотря на зимний шторм, вошла в лиссабонскую гавань с новостями о великом открытии, которое должно было дать старой Европе еще один шанс. Через несколько лет мы обнаруживаем, что ментальная картина полностью изменилась. Сильные монархи искореняют тайные заговоры и мятежи, церковь, очищенная и наказанная протестантской реформацией, наводит порядок в своем доме; новые идеи вспыхивают по всей Италии, Франции, Германии и другим северным народам Европы; возрождается вера в Бога, и обновляется человеческий дух. Перемена полная и поразительная. «Началось новое видение мира, и люди больше не вздыхают по воображаемому золотому веку, который остался в далеком прошлом, а размышляют о золотом веке, который, возможно, наступит в ближайшем будущем»⁵.

Христофор Колумб принадлежал к эпохе, которая уже прошла, но тогда он стал знаком и символом новой эпохи надежды, славы и свершений. Средневековая вера подтолкнула его к современному решению: экспансии. Если турка нельзя было оторвать от Гроба Господня обычными средствами, пусть Европа ищет новые средства за океаном, а он, Христофор-крестonosец, станет скромным, но гордым орудием европейского возрождения. Так оно и оказалось на самом деле, хотя и не тем путем, какого ожидал сам Колумб. Первое путешествие в

³ Откровение Иоанна Богослова, 20: 7.

⁴ Антон Кобергер (ок. 1440–1513) – нюрнбергский печатник, издатель и книготорговец.

⁵ Сэр Чарльз Оман (1860–1946), «О написании истории» (1939). (Примеч. авт.)

Америку, совершенное с максимумом веры и минимумом техники, с минимальным количеством снаряжения и избытком мужества, дало Европе новую уверенность в себе, более чем в два раза увеличив территорию христианства, бесконечно расширив простор для человеческой мысли, и «привело путь к тем полям свободы, которые, посеянные великими семенами, теперь взошли для плодоношения мира»⁶.

В своей вере, дедуктивных методах рассуждения и в безоговорочном принятии современной этики Колумб, безусловно, оставался человеком Средневековья, но в лучшем смысле этого слова. В готовности же воплощать мысль в действие, в живом любопытстве и точном наблюдении за природными явлениями, в радостном чувстве приключений и желании завоевать богатство и признание он был современным нам человеком. Этот дуализм превращает характер и карьеру Колумба в загадку для недалеких и служит поводом для восхищения у проницательных. Именно такой подход раскрывает большинство так называемых «тайн», «вопросов» и «проблем» Колумба, которые для его современников не были ни первым, ни вторым, ни третьим, а являются лишь порождением неверующих глупых педантов, никогда не знавших радости морских приключений.

Лично меня более всего волнует Колумб действия, Колумб-первооткрыватель, державший в руке ключ к будущему и точно знавший, в какой из миллиона замочных скважин следует его повернуть. Без всякого сожаления я оставляю его «психологию», «мотивацию» и все подобное другим исследователям. И все же, когда каравеллы плывут по тропическим морям к новым и все более чудесным островам, к высоким, покрытым горными гребнями берегам земной тверди, где длинные волны пассатов вечно разбиваются и режут, я не могу забыть о бесконечной вере, толкнувшей этого человека вперед во благо будущих веков. Именно поэтому, и для Европы, и для Америки – не важно, я осмеливаюсь закончить свой пролог молитвой, с которой Колумб начал свой труд:

Jesus cum Maria
Sit nobis in via⁷.

⁶ Сэр Чарльз Оман (1860–1946), «О написании истории» (1939). (Примеч. авт.)

⁷ Иисус и Божья Матерь, помогите мне в пути (лат.).

Глава 2 Генуя (1451–1473)

*«По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их»⁸.
Во всяком случае, в наше время, когда чудесной смелостью Христофора
Колумба из Генуи был открыт и присоединен к христианам почти другой
мир.
«Псалтирь» Джустиниани, 1516 г.*

Перед тем как отправиться в Третье плавание в Новый Свет, Колумб совершил юридическую процедуру «майората», то есть установление порядка перехода принадлежащего ему имущества, титулов и привилегий. При этом он поручил своим наследникам «всегда трудиться во имя чести, благосостояния и приумножения города Генуи». В Генуе должен быть сохранен дом, доступный любому члену семьи Колумба, «чтобы он мог жить там с честью и иметь опору, будучи его уроженцем, как и я сам». Преемникам поручалось создать фонд в знаменитом банке Святого Георгия в Генуе, в этом «благородном и могущественном городе у моря».

Можно предположить, что эти четкие заявления Адмирала не оставляют никаких сомнений относительно его национальности и места рождения. Более того, ранние биографы Колумба – Фернандо Колумб и Бартоломео де Лас Касас⁹ – неоднократно утверждали о месте рождения будущего мореплавателя. Питер Мартира из Барселоны вскоре после прибытия туда первооткрывателя в 1493 году назвал его «Christophorus quidam Colonus, vir ligur»¹⁰, а «лигур» по-латыни означает «генуэзец»; Андрес Бернальдес¹¹ из Севильи, человек, у которого Колумб останавливался после своего Второго путешествия, начинает свой рассказ о великом открытии так: «Был человек из земли Генуи... по имени Кристоаль Колон»; епископ Джеральдини, который встретил Колумба в Гранаде в 1492 году, пишет, что он был «из Генуи, города Лигурии»; венецианец Анджело Тревизан, знавший Колумба по Испании, в 1504 году писал: «Христофор Колумб, генуэзец, высокий мужчина, хорошо сложенный, румяный, с большим творческим талантом».

Четыре генуэзских летописца называют Колумба своим соотечественником, и в каждом случае, когда речь шла о его национальности, было записано «генуэзец». Кроме того, ни один из многих современников, упоминающих Колумба, не называет его иначе, как «генуэзец» или «итальянец». Вскоре после смерти Адмирала в правительстве было предложено отменить привилегии, гарантированные наследникам, на том основании, что он был иностранцем. В течение последующих трех столетий шел спор о месте рождения: родился ли Колумб в городе Генуя или в каком-то другом городе Генуэзской республики.

За большинством этих попыток исказить истину стоял преувеличенный национализм. Кастильская гордость не хотела признавать, что Колумб и Магеллан, два величайших мореплавателя, плававшие под флагом Льва и Замка, были иностранцами. Хотя ведущие испанские историки признавали факт генуэзского происхождения Колумба, более мелкая сошка продолжала усердно разрушать то, что называлось «традиционной генуэзской линией». В этих случаях, как правило, утверждалось, что Колумб был либо чистокровным испанцем, либо каталонцем, либо евреем испанского или каталонского происхождения.

⁸ Псалтирь, 18: 5.

⁹ Бартоломео де Лас Касас (1484–1566) – испанский священник-доминиканец, первый постоянный епископ Чьяпаса и историк Нового Света.

¹⁰ Некий Христофор Колон, лигуриец (*лат.*).

¹¹ Андрес Бернальдес (ок. 1450–1513) – испанский священник, автор истории королевской семьи Фердинанда и Изабеллы, лично знавший Колумба автор незаконченной «Истории католических королей».

Самым сенсационным вкладом в этот извращенный испанский патриотизм стал факт обнаружения документов в галисийском Понтеведре, якобы описывающих местное семейство неких Колонов, чьи христианские имена соответствовали генуэзским Коломбо. Документы, найденные в этом городе и вызвавшие преждевременную радость в испаноязычном мире, послужили причиной основания многочисленных обществ «Колумбийской Испании». Ряд последующих тщательных проверок уважаемыми и компетентными испанскими историками доказал, что значимые христианские имена были вставлены много позже, а сами документы тем или иным образом искажены и подретушированы (мягко говоря), чтобы связать Колонов из Понтеведра с семьей первооткрывателя. Даже Сальвадор де Мадарьяга¹² совсем недавно, собрав немало гипотез и полунамеков, не подкрепленных такими вульгарными вещами, как очевидные факты, представил Колумба потомком каталонцев-беженцев из числа обращенных евреев.

Хотя великий португальский историк XVI века Жуан ди Барруш говорит, что Колумб был «генуэзцем», а два португальских летописца, ставшие свидетелями беседы Адмирала с их королем, называют его «итальянцем», некоторые современные португальские писатели продолжают настаивать, что Колумб был их «замаскированным» соотечественником. Во время Гарвардской экспедиции нам в руки попали три разные книги, на самых фантастических основаниях «доказывающие», что Колумб был португальцем, причем в трех разных ипостасях. Если вы захотите продолжать этот экскурс в сумасшедшую колумбиану, то без особого труда сможете найти «аргументированные доказательства» того, что Адмирал – корсиканец, уроженец Майорки, а также француз, немец, англичанин, грек и армянин. Остается только какому-нибудь американскому патриоту выступить вперед и заявить, что Колумб на самом деле был индейцем – уроженцем этих берегов, которого случайно «унесло ветром» в Европу (любимое сказочное средство передвижения в подобных сказках), а поэтому он хорошо знал дорогу домой.

Однако хватит всех этих глупостей. Имя Коломбо в его различных формах (Colon, Colom, Colomb и т. д.), то есть «голубь», было очень распространено в Южной Европе. Поскольку Средние века отличались достаточно сильными миграционными передвижениями, расовые снобы и национальные фанатики могут утешаться мыслью, что некоторые из далеких предков первооткрывателя могли быть евреями, испанцами или кем угодно еще. Но нет больше причин сомневаться в том, что Христофор Колумб был христианином-католиком генуэзского происхождения, непоколебимым в своей вере и гордящимся своим родным городом. С таким же успехом можно не верить, что уроженец Виргинии и англиканец Джордж Вашингтон имел английские корни и гордился тем, что он американец.

Колумб своей скрытностью доставил ненужные неприятности биографам, а его внебрачный сын Фернандо лишь усугубил ситуацию, оскорбив одного генуэзского летописца, утверждавшего о плебейском происхождении его отца и фальшивости университетского образования почитаемого родителя.

Без сомнения, низкое социальное происхождение и необразованность были для Адмирала постоянным источником смущения, и все же с трудом завоеванное положение вынуждало его общаться с вельможами и учеными. Что ж, тоска по аристократическим корням присутствует даже в современных демократических обществах. Так что мы можем простить первооткрывателя за намеки на то, что он был не первым адмиралом в своей семье, как и снисходительно отнестись к Фернандо, имевшему дополнительные проблемы из-за незаконного происхождения и потешавшего себя приятной мыслью, что его корни уходят к римскому генералу по имени Колонус. В конце концов, оба признали, что непосредственные предки Колумбов имели весьма скромное происхождение, а это и было настоящей правдой.

¹² Сальвадор де Мадарьяга (1886–1978) – испанский писатель, дипломат, журналист, историк, психолог.

Нам не стоит тратить время и заниматься поиском письменных свидетельств о рождении или крещении Колумба, поскольку в этот исторический период церковь не требовала подобных записей вплоть до Тридентского собора. К счастью, благодаря терпеливым исследованиям местных историографов, в архивах Генуи были обнаружены документы, сводящие дату его рождения к двухмесячному промежутку времени в 1451 году. Во-первых, 31 октября 1470 года «Кристофоро Коломбо, сын Доменико старше девятнадцати лет» признавал за собой определенный денежный долг в Генуе. Во-вторых, 25 августа 1479 года «Кристофорус Колумбус, гражданин Генуи», прибыв в Геную из Лиссабона, заявил, что находится «в возрасте двадцати семи лет или около того». Таким образом, если 31 октября 1470 года ему было больше девятнадцати, но еще не исполнилось двадцати, а 25 августа 1479 года – около двадцати семи, то Христофор, должно быть, родился между 25 августа и концом октября 1451 года.

Итак, сорок первый день рождения Колумба пришелся на время его великого путешествия, полного открытий. Весьма вероятно, что он не помнил точной даты, поскольку дети в католических странах отмечали праздник святого покровителя, а не день появления на свет. Должно быть, 25 июня, в праздник святого Христофора, мальчик вместе с матерью посещал мессу и получал от отца немного карманных денег и бокал вина.

История святого Христофора, знакомая каждому средневековому ребенку, делала данное Колумбу при крещении имя гораздо более значимым, чем родовое имя. Знаменитый святой был великим язычником, но, услышав о Христе, отправился на его поиски. Святой отшельник сказал: «Возможно, наш Господь и явит себя, если ты будешь поститься и молиться». – «Поститься я не могу, – ответил Христофор, – и как молиться, я не знаю. Нет ли способа полегче?» – «Знаешь ли ты ту реку без моста, – ответил отшельник, – которую можно перейти только с большим риском утонуть?» – «Знаю», – сказал Христофор. «Очень хорошо. Ты, такой высокий и сильный, поселись на этом берегу и помогай бедным путникам переправляться; это будет очень угодно нашему Господу, и, может быть, он явит себя». Христофор так и сделал. Он построил хижину и стал переносить путников на своих широких плечах, используя ствол дерева вместо посоха.

Однажды ночью, когда здоровяк спал в своей хижине, он услышал детский плач: «Христофор! Выйди и перенеси меня!» Христофор вышел с посохом в руке и посадил малыша на плечи, но, по мере того как он переходил реку вброд, вес ребенка стал увеличиваться и сделался почти невыносимым. Христофору пришлось призвать на помощь всю свою могучую силу, чтобы не упасть и с трудом перебраться на другой берег. «Ну что ж, мой малыш, – сказал силач, – ты подверг меня большой опасности: моя ноша вдруг стала такой тяжелой, что, кажется, если бы я взвалил на спину весь мир, он весил бы не больше тебя». – «Не удивляйся, Христофор, – ответил ребенок, – ибо ты нес на своей спине не только весь мир, но и того, кто его сотворил. Я – Христос, которому ты служишь во имя добра. В доказательство моих слов посади свой посох возле хижины, и завтра он будет покрыт цветами и фруктами». Святой сделал, как ему было велено, и на следующий день обнаружил, что посох превратился в прекрасную финиковую пальму.

Эта история, несомненно, была известна по рассказам отца тому мальчику Христофору, который стал известным нам Колумбом. Он считал своим предназначением нести слово Божественного младенца через могучий океан в страны, погруженные в языческую тьму. Прошло много лет, полных бесчисленного множества разочарований, прежде чем кто-то позволил первооткрывателю взять на себя это бремя. Однажды принятое, оно часто становилось невыносимым, но никогда Христофор не откладывал своего предназначения, пока не выполнил назначенное свыше. Мы можем справедливо утверждать, что первый шаг к открытию Америки был сделан родителями Колумба при крещении Христофора в какой-то древней церкви Генуи в конце лета или в начале осени 1451 года.

Историю семьи Христофора и его молодости приходится собирать по кусочкам, состоящим из пятнадцати – двадцати нотариальных записей и муниципальных документов. Когда неграмотные люди, какими и были Колумбы, заключали соглашение, улаживали спор или заключали важную деловую сделку, они шли к образованному государственному нотариусу, производящему ту или иную запись лишь существенных фактов и подробностей на латыни. Никаких специальных подписей или отметок не делалось: нотариус фиксировал имена свидетелей и их показания – такой список принимался в любом суде. Многие документы подобного рода могли оставаться в архивах одной и той же нотариальной конторы на протяжении веков, а некоторые из них до сих пор находятся в частном владении. Если вдруг род прерывался, бумаги передавались в муниципальные архивы, где и было найдено большинство документов, относящихся к семье Колумба.

Джованни Коломбо, дед первооткрывателя по отцовской линии, был родом из деревни Моконези в долине Фонтанабуона над Кьявари – морского порта примерно в двадцати милях к востоку от Генуи, и занимался изготовлением шерстяных тканей. Впервые мы узнаем о его существовании из документа 1429 года из городка Квинто, названного так потому, это местечко располагалось на пятой милевой вехе к востоку от старой Генуи. В этот год Джованни отдавал своего сына Доменико (отца Колумба), «в возрасте около одиннадцати лет», в ученики к ткачу из Брабанта¹³, жившему в Генуе. К 1440 году, через несколько лет после завершения ученичества, Доменико Коломбо получил статус мастера и нанял дом недалеко от Порта-дель-Оливелла – восточных ворот Генуи. Приблизительно в 1445 году он обзавелся семьей, женившись на Сюзанне Фонтанароссе, дочери ткача, жившего в долине реки Бисаньо, на которую выходят ворота Оливеллы. Она принесла Доменико небольшое приданое, а сам глава семейства (если только это не был другой Доменико Коломбо, что вполне возможно) получил должность надзирателя порта Оливелла с жалованьем в 84 генуэзских фунта в год (около 160 долларов золотом). Из этой суммы отец будущего Адмирала должен был выплачивать жалованье своим помощникам. Скорее всего, именно в доме надзирателя, в квартале настолько перестроенном, что сейчас невозможно точно определить его местоположение, в сентябре или октябре 1451 года на свет появился маленький Христофор Колумб.

Поскольку Доменико и Сюзанна были женаты уже шесть лет, вполне вероятно, что Христофор не был старшим ребенком, но если у него и были старшие братья и сестры, то они умерли или младенцами, или в раннем возрасте. В любом случае Бартоломео Колумб, будущий аделантадо¹⁴ Вест-Индии, был по крайней мере на год или два моложе Христофора. Кроме того, известно о существовании еще одного брата Джованни Пеллегрини, умершего в молодости, и сестры Бьянчинетты, о которой почти нет никаких сведений. И наконец, последний младший брат Христофора, Джакомо, вероятнее всего, был младше первопроходца на целых семнадцать лет, поскольку нашлись бумаги 1484 года о его ученичестве, тоже на ткача, в которых упоминается шестнадцатилетний возраст. К Джакомо, более известному как Диего (испанский эквивалент), Христофор испытывал привязанность, которую старшие братья часто испытывают к самому младшему ребенку в семье. Он взял его во Второе плавание и после того, как не увидел в молодом человеке задатков моряка и колониста, выхлопотал Диего священный сан и предпринял тщетные попытки добиться для него испанского епископства от королевы. Сын Колумба, Диего, вероятно, был назван в честь дяди.

В 1455 году, когда Христофору было четыре года, родители переехали в дом с внутренним двором и садом недалеко от порта Сант-Андреа. Современный дом, стоящий до сих пор на том же фундаменте, теперь обозначен Casa di Colombo. Поскольку Доменико был не про-

¹³ Брабант – историческая нидерландская область на территории современной Бельгии.

¹⁴ Аделантадо – в колониальной Испании титул конкистадора, который направлялся королем на исследование и завоевание земель, лежащих за пределами владений государства.

сто ткачом, зависящим от жалованья, а имел статус мастера-суконщика (если использовать старый английский термин), он владел одним или несколькими ткацкими станками, покупал собственную шерсть, продавал готовую ткань и обучал мальчиков-подмастерьев ремеслу. Как гражданин Генуи и член местной гильдии суконщиков, он занимал respectable положение в низших слоях среднего класса.

Мать Христофора так и осталась для истории неясной фигурой, но личность его отца так или иначе всплывает из сухих записей. Не обладая силой воли собственного сына, Доменико, похоже, слыл незаурядным оптимистом. Он часто давал обещания, которые не мог выполнить, покупал товары, за которые был не в состоянии заплатить, и начинал пробовать себя в производстве второстепенных товаров, сыра и вина, вместо того чтобы развивать свое ткацкое дело. Нам случайно известно имя торговца сыром, который женился на его дочери Бьянчинетте, поскольку ему пришлось отсуживать у тестя обещанное приданое. Хотя Доменико и был плохим кормильцем своей семьи, он тем не менее считался добрым малым, ибо получал немалые кредиты и числился в нескольких комитетах ткацкой гильдии. Он входил в число тех отцов, которые закрывали лавку, если торговля шла плохо, и отправлялся с сыновьями на рыбалку, или тех продавцов вина, которые сами себе были лучшими покупателями.

В течение следующих пятнадцати лет архивы ничего не говорят нам о Колумбе. Существуют лишь свидетельства современников, что к восемнадцати годам Христофор обладал высоким ростом и заметно выделялся в толпе огненно-рыжей шевелюрой. Младший Бартоломео выглядел подростком. Генуэзские летописцы утверждают, что эти два знаменитых впоследствии брата в молодости трудились вовсе не ткачами, а были простыми чесальщиками шерсти. Скорее всего, они чесали сырье, закупаемое отцом, а мать занималась приданием пряжи соответствующего окраса. Но потом в любом случае ткать приходилось всем троим, в то время как отец семейства пил в тесной компании приятелей.

В начале 1470 года Доменико Коломбо был включен в комитет своей гильдии для изучения правил и предписаний савонских мастеров-суконщиков с целью принятия их в Генуе. Очевидно, это убедило его в том, что торговля в Савоне идет лучше, поскольку к 1 марта он перебрался туда с ткацким станком, семьей и подмастерьем. Из найденных бумаг мы знаем, что побочным делом отца стала винная торговля в розницу, поскольку в одном документе он назван табернарием¹⁵, а 31 октября 1470 года его сын Христофор, «старше 19 лет», признал за собой долг в размере более 48 генуэзских фунтов в счет оплаты ранее доставленных вин. Поскольку Христофор достиг совершеннолетия в соответствии с генуэзскими законами и, как трудолюбивый и благочестивый молодой человек, он считался более материально обеспеченным, чем его непутевый родитель.

Тем не менее нет никаких достоверных свидетельств, что Христофор переехал в Савону вместе с отцом, поскольку винный долг был признан Генуей, а следующие обнаруженные документы датированы уже 1472 годом. К ним относятся: засвидетельствование завещания Христофором де Коломбо из Генуи, суконщиком, в Савоне от 20 марта и заключение достаточно крупного договора между Доменикусом Коломбо и его сыном Христофорусом, с одной стороны, и торговцем шерстью – с другой, о покупке сырья и оплате его полотном от 26 августа. Вполне возможно, что в 1471 году Христофор уходил в море, а вернувшись, снова встал к родительскому ткацкому станку.

7 августа 1473 года Христофор вместе с обоими родителями и братом Джованни Пеллеgrimо заключил соглашение о продаже дома в Порто-дель-Оливелло в Генуе, а в 1474 году «ткач Доменикус де Квинтус, житель Савоны» арендует землю у кафедрального капитула. После этого следы семьи снова теряются на 9 лет. Известно лишь, что за время этого перерыва Сюзанна Коломбо и Джованни Пеллеgrimо умерли, а Доменико вернулся в Геную с малень-

¹⁵ Табернарий – мелкий лавочник (*лат.*).

ким Джакомо и Бьянчинеттой и поселился в доме Порта-Сант-Андреа. Старик, занимавшийся ткачеством и живший на денежные переводы своих сыновей из Португалии, обнаружил, что этот дом для него стал слишком велик. Итак, в 1483 году «Доменико Коломбо, сын Джованни, гражданин Генуи, бывший ткач» сдал сад и большую часть дома в аренду сапожнику, оставив за собой чердак и малую долю пространства на первом этаже. Несколько лет спустя кредиторы стали оказывать давление на поднадоевшего должника и предложили Доменико продать этот дом некоему торговцу сыром за 250 генуэзских фунтов. Поскольку право собственности на дом в Сант-Андреа принадлежало Сюзанне, Христофор и его братья были заинтересованы в сохранении недвижимости. Кроме того, Доменико выступающий в качестве «отца и законного представителя Христофора, Бартоломео и Джакомо, сыновей упомянутого Доменико и наследников покойной Сюзанны, их матери», смог воспротивиться продаже имущества на том основании, что цена была недостаточной. Его имя, указанное в документе от 30 сентября 1494 года, является последним сохранившимся у нас следом отца Христофора.

Можно лишь предполагать, что Джакомо к тому времени покинул дом, последовав примеру брата, Бьянчинетта была замужем, а старик, вероятно, умер через пару лет, поскольку он уже не упоминается в майорате Христофора от 1498 года. Тем не менее имя родителя не осталось в забвении: Христофор и Бартоломео назвали столицу Эспаньолы «Санто-Доминго» в честь святого покровителя отца.

Уверен, что этот момент кто-нибудь из сторонников «Колумбийской Испании» наверняка скажет: «Все это очень красивая история, но где веские доказательства, что некий Христофор Коломбо, чесальщик шерсти, сын веселого ткача, и есть тот самый „Very Magnificent Don Cristobal Colon, Admiral of the Ocean Sea“? Не вижу никакой убедительной связи!»

К счастью, у нас есть три документа, которые устанавливают эту связь, а в равной степени и опровергают ересь о Колумбе-португальце (Colom Portugues), Колумбе-каталонце (Colom Catali), Колумбе-корсиканце (Colomb Corse) – далее по списку.

1. В Генуе 22 сентября 1470 года «Доминикус де Коломбо и его сын Христофор» договорились с неким Джеронимо дель Фуэрто передать спор между ними в суд, который обязал Коломбо выплатить 25 генуэзских фунтов. Тридцать шесть лет спустя, в своей последней воле, выраженной в письменной форме, Адмирал Моря-Океана обязал душеприказчиков выплатить 20 дукатов наследникам Джеронимо дель Фуэрто из Генуи: очевидно, он не желал покидать этот мир с непоплаченными долгами.

2. У брата Доменико по имени Антонио было четверо сыновей. Старший из них, Джаннетто (по документам – Джонни), в 1460 году в возрасте четырнадцати лет был отдан в ученики к портному. 1 октября 1496 года, после смерти Антонио, остальные трое его сыновей – Йоханнес, Матеус и Армгетус, – встретившись в нотариальной конторе Генуи, доверили старшему брату (Джонни), бывшему подмастерью портного, отправиться в Испанию и разыскать там «Доминуса Христофоруса де Коломбо, Адмирала его величества Испании [Armiratus Regis Ispanie]», при этом «каждый вносит по трети расходов на дорогу». Был ли этот шаг предпринят для того, чтобы взыскать какой-то долг, чтобы Адмирал посодействовал старшему Джонни в поисках хорошей работы или даже, например, для того, чтобы просто приблизиться к богатому дядюшке, – об этом мы не знаем и не узнаем никогда. В любом случае Джонни получил работу: Колумб назначил его капитаном одной из каравелл Третьей экспедиции, а Диего (брат Христофора) завещал Джаннетто сотню золотых кастельяно¹⁶.

3. Наконец, у нас есть документ, из которого мы видим, как некий Себастьяно Кунео из Савоны пытался добиться заочного судебного решения против наследников Доменико Коломбо. За много лет до этого отец Христофора получил право собственности на определенные участки земли от отца Кунео, но (что характерно для Доменико) не торопился опла-

¹⁶ Приблизительно 460–470 граммов золота.

титель приобретение. Кунео привел к нотариусу пекаря и шляпника – старых савонских соседей Доменико, и 26 января 1501 года они официально засвидетельствовали, что «Христофор, Бартоломео и Джакомо де Коломбис действительно являются сыновьями и наследниками Доменико», но давно отсутствуют в Генуэзской Республике, «обитая в некоторых частях Испании».

Таковы голые факты о жизни Христофора Колумба до двадцати двух лет и о его семье, которыми мы располагаем. Они дают мало оснований для того, чтобы делать окончательные выводы относительно его воспитания и характера. Можно лишь предполагать, что этот мальчик, которого мы не знаем, был гордым и чувствительным ребенком, верным своим религиозным убеждениям, следовавшим скромному ремеслу, оказывающим помощь родителям, но одновременно жаждущим приключений и пребывающим в мистической уверенности в своей высокой миссии.

Утверждение Фернандо о том, что его отец учился в Павийском университете, опровергается не только хорошо сохранившимися документами древнего архивного фонда, но и внутренними свидетельствами знания Христофором латинского языка. Они ясно показывают, что латынь была изучена Колумбом уже после того, как испанский стал языком его мышления.

Отсутствие итальянского языка в сохранившихся сочинениях Колумба, за исключением случайного слова или фразы, является важнейшим предметом обсуждения в секте «Колониальная Испания». Наиболее ранний письменный фрагмент, который, возможно (!), может принадлежать руке Колумба, – заметка на полях принадлежащей ему книги от 1481 года, сделанная на смеси плохого испанского и португальского языков. Все его письма, даже к генуэзским друзьям и в Банк Святого Георгия, написаны на испанском. Когда в более позднем возрасте он аннотировал итальянский перевод «Естественной истории» Плиния, все его комментарии, кроме одного, – переводы на испанский язык итальянского текста, причем тоже очень посредственного. Ни один из авторов, на которых ссылался Колумб, не писал по-итальянски, поэтому красота «Божественной комедии» с последним путешествием Улисса и описанием игры света в океане, по-видимому, вряд ли Колумбу была известна.

На самом деле отсутствие в его трудах итальянского языка является хорошим доказательством генуэзского происхождения Адмирала, а вовсе не наоборот. Генуэзская речь того времени сильно отличалась от тосканского или классического итальянского, не говоря уже про венецианский и неаполитанский диалекты. Известен случай, когда уже в наше время, приблизительно в 1910 году, генуэзцу, выступающему в римском суде, потребовался переводчик.

Генуэзская разновидность итальянского языка была обычной устной речью, которая никогда не излагалась на бумаге. Любой бедный мальчик из Генуи не знал бы итальянского языка, если бы специально не учил его в школе. С этой точки зрения Христофор, несомненно, ушел из дома почти, если не полностью, неграмотным, а когда наконец научился читать и писать, использовал кастильский, поскольку это был язык его новых товарищей. Многие и многие тысячи итальянских эмигрантов-крестьян поступили бы именно так. Прибыв в свой Новый Свет неграмотными, они учились читать и писать на английском, испанском или португальском языках, в зависимости от страны своего проживания, и, в конце концов, забывали устный диалект, на котором выросли.

Тщательный анализ трудов Колумба недавно был проведен самым выдающимся из современных испанских филологов Рамоном Пидалем¹⁷. Этот ученый пришел к однозначному выводу, что первооткрыватель писал не на еврейско-испанском и даже не на италоиспанском, а на некоем португальско-испанском языке. Можно сказать, что Колумб до конца своей жизни использовал кастильский, но с португальской орфографией, особенно в части, касающейся гласных букв. Это лишний раз доказывает, что Адмирал говорил по-португальски еще до

¹⁷ Рамон Менендес Пидаль (1869–1968) – испанский филолог, историк и фольклорист, директор Королевской академии испанского языка.

того, как выучил кастильский. В течение десятилетия, когда Колумб обосновывал свои путешествия в Лиссабоне, кастильский был любимым языком образованных классов Португалии. Чуть позже Жил Висенте¹⁸ писал свои пьесы на кастильском языке, и даже великий Камоэнс¹⁹ использовал его при написании сонетов. Таким образом, амбициозный молодой человек, каким мы знаем Христофора, естественно, выбрал для себя наиболее литературную и широко распространенную версию. Вполне вероятно, что он писал и по-португальски, но за период до того, как он отправился в Испанию, до нас дошли только несколько коротких записей, и все они исполнены на кастильском языке.

Какое же влияние, если оно вообще имело место, оказало на будущую карьеру Христофора его двадцатидвухлетнее пребывание на территории Генуи? Этот город, несомненно, был тем местом, где любой активный молодой человек испытывал тягу к морским приключениям. Лигурийская Республика купает свою грудь в море и раскидывает руки, чтобы одной рукой обнять его в сторону Савойи, другой – в сторону Тосканы. Генуя-ла-суперба²⁰ смотрит на юг, на чистый горизонт, наслаждаясь солнцем, которое всю зиму кружит над морем и садится за гору Монте-Бегия в день летнего солнцестояния. Лебеччо²¹, приходящий сюда посвежевшим после долгого путешествия по Средиземному морю, дает террасным холмам над побережьем достаточно влаги для почвы, виноградников и пастбищ. В маленьких бухтах и гаванях вдоль всего побережья никогда не прекращалось судостроение, а большие галеры и каракки постоянно прибывали из Эгейского моря, Леванта и Северной Африки. Хотя республика знавала и лучшие дни (впрочем, как и большинство республик того времени), она лелеяла традиции таких мореплавателей, как Вивальди, уже в 1291 году искавший морской путь в Индию через Африку, Мальчелло, один из первооткрывателей Канар, или Андреа Дориа²² (впрочем, последний пока еще не родился). Генуя славилась знаменитой школой картографов, снабжавшей картами-портоланами половину Средиземноморья. К ее услугам обращались даже португальцы, когда желали нанести на карты новые африканские владения. Можно легко представить, как юный Христофор постигал азы составления карт в какой-нибудь картографической лавке (позже они вместе с братом овладели этим искусством в Лиссабоне), или предположить, как он задумчиво смотрит на гавань из ткацкой мастерской в доме Порта-Сант-Андреа или устремляет взгляд на широкий простор Средиземного моря из дома в Савоне, занимаясь ненавистой торговлей. Здесь он, возможно, даже задумал свое грандиозное предприятие, ибо достижения великого человека часто являются не чем иным, как исполнением его юношеских мечтаний.

Безусловно, подобные рассуждения больше подходят поэтам и романистам, нежели историкам. Все, что мы точно знаем сейчас о жизни Колумба до достижения им двадцатитрехлетнего возраста (надеюсь, когда-нибудь нам станут известны и другие подробности), – оказание помощи родителям в Генуе и Савоне в уважаемом ремесле ткача, а также отсутствие образования и привилегий. Но никакие жизненные тяготы не могли заставить его отказаться от верности благородному и могущественному городу у моря.

¹⁸ Жил Висенте (ок. 1465 – ок. 1536) – драматург и поэт, первый признанный автор эпохи Возрождения в португальской литературе.

¹⁹ Луис де Камоэнс (ок. 1524–1580) – португальский поэт, крупнейший представитель португальской литературы эпохи Возрождения XVI в., один из основоположников современного португальского языка.

²⁰ Генуя-прекрасная (*ит.*).

²¹ Юго-западный ветер (*ит.*).

²² Андреа Дориа (1466–1560) – генуэзский адмирал и государственный деятель.

Глава 3

И весело в море... (1473–1477)

*И весело в море:
Нас манят и жемчуг, и злато...*

*Майкл Дретон.
«На путешествие в Вирджинию», 1606 г.*

Когда Христофор впервые вышел в море? Его собственные заявления на этот счет кажутся весьма противоречивыми. «В очень юном возрасте, – писал он монархам приблизительно в 1501 году, – я отправился в плавания по морям, и так продолжается по сей день. Искусство [навигации] склоняет к себе каждого, кто ему следует и желает познать тайны мира. Прошло уже 40 лет с тех пор, как я этим занимаюсь». В своем дневнике 21 декабря 1492 года Колумб отмечает: «Я следовал за морем в течение двух-трех лет, не покидая его ни на какое время, заслуживающее другого внимания». В другом месте мы читаем слова Фернандо: «Он рассказывал, что начал ходить под парусом в 14 лет». Антонио Галло, генуэзский хронист, знавший семью Колумба, говорил, что Христофор и его брат Барт начали ходить в морские путешествия по обычаю своего народа «*puberes deinde facti*»²³ (это могло означать любой возраст в промежутке от четырнадцати до двадцати одного года).

Итак, по собственным, разнящимися между собой заявлениями Колумба, он вышел в море в 1461, 1465 или 1469–1470 годах; по утверждениям Галло – в период между 1465-м, когда ему исполнилось четырнадцать, и 1472 годом, когда ему было двадцать один. Но, как мы видели, есть документальные свидетельства, что Христофор находился в Генуе 22 сентября и 31 октября 1470 года, в Савоне – 20 марта и 26 августа 1472 года, а также 7 августа 1473 года.

Предположим, что мы хоть раз примем предложение Мадарьяги и, «оставив пыльные бумаги, вернемся к плоти и духу». Не будем жестко принуждать моряка к субъективным прибавлениям или вычитаниям лет или предполагать, что нога Христофора никогда не переступала планшир в его ткацкую бытность. Какой момент времени выберет для себя бывший мальчик, выросший на берегу моря и со временем ставший моряком, чтобы сказать о первом выходе в море? Это может означать все, что угодно, – и начало возни с лодками, и первое ночное плавание, и получение первого жалованья за помощь, и первый выход в дальний поход.

Христофор жил в среде мореплавателей, в которой каждый здоровый мальчик рвался под парус при первой возможности. Они выходили вечером на рыбалку под разыгравшийся бриз, ловили всю ночь сардины при свете факелов и мерцании звезд, а на рассвете мчались домой, подгоняемые свежим лебеччо, чтобы успеть первыми доставить улов на рынок; у них были частые возможности коротких выходов на пакетботах на восток в Нерви, Порто – фино и Рапалло или на запад – в Коголето и Савону. В конце концов, недалеко находилась и Корсика. Так когда же Колумб ощутил вкус великого приключения? Когда увидел высокий, зазубренный остров, возвышающийся над кромкой океана, словно ряд маленьких островков? Или когда наблюдал, как они сливаются воедино, цвет меняется с синего на зеленый, а белые пятнышки на берегу становятся домами? Когда бросал якорь в незнакомой гавани, где мужчины тараторили на странном диалекте и, по словам шкипера, обязательно становились пиратами при первой же возможности, а на берегу стояли замечательные девушки, гораздо более красивые и общительные, чем в старом родном городе?

²³ Став молодыми людьми (*лат.*).

Большая часть торговли вдоль лигурийского побережья шла морем. Если юному Христофору так нравились выходы в море, то для его отца было бы вполне естественным делом посылать сына вдоль побережья для закупок шерсти, вина и сыров или для продажи своих тканей. Возможно, Доменико оставался в Савоне, а Христофор командовал маленьким зафрахтованным пакетботом с латиноамериканским экипажем, заходящим в Геную раз в пару недель. Вовсе не стоит презирать каботажии подобного рода. Умеющий командовать маленьким парусным судном, лодкой, уже находится на пути к тому, чтобы стать капитаном каравеллы, справиться с внезапным шквалом, налетевшим с гор, и наполовину готов встретить настоящий морской шторм.

Фернандо, сын Адмирала, не претендовал на то, что знает, когда и при каких обстоятельствах его отец впервые вышел в море, ибо его отец умер, «прежде чем я набрался смелости попросить его дать отчет о таких делах. Или, говоря точнее, в то время, будучи мальчиком, я был далек от того, чтобы задаваться подобными мыслями». Но среди этой *origium gatherum*²⁴, в четвертой главе жизнеописания отца²⁵, Фернандо цитирует ныне утерянный оригинал письма к монархам, написанного в Эспаньоле в январе 1495 года. В частности, Колумб писал в нем следующее: «Случилось со мной, что король Рене (которого уже прибрал Господь) послал меня в Тунис, чтобы захватить галеас²⁶ „Фернандин“; и, когда я был у острова Сан-Пьетро близ Сардинии, сказали мне, что там были два корабля: каррака с упомянутым галеасом, что встревожило моих людей, и они решили не идти дальше, не испугавшись, но чтобы повернуть обратно в Марсель и забрать другой корабль и больше людей. Я, видя, что ничего нельзя сделать против их воли без какой-либо хитрости, уступил их желаниям, а затем, „изменив направление“ иглы компаса, поднял паруса, когда наступила ночь, и на следующий день на рассвете мы оказались у мыса Карфаген, в то время как все на борту были уверены, что мы были на пути в Марсель».

Для моряка это один из самых интригующих отрывков во всех трудах Колумба. Адмирал заявляет, что, будучи молодым капитаном, он каким-то образом подправил компас, так что, когда карта показывала норд-вест по норд (курс на Марсель), его корабль действительно шел зюйд-ост по зюйд (курс на Тунис). Возможно ли это? Я бы сказал, что это возможно, хотя, насколько мне известно, во всей исторической морской литературе нет ни одного упоминания о том, чтобы команду обманывали подобным образом. «Фальшивый» расчет Колумба во время первого плавания не идет с подобным действием ни в какое сравнение. Обычные моряки очень далеки от навигации по звездам, при этом и ветер мог измениться так, что экипаж не заметил бы подвоха с точки зрения «неправильного» курса относительно волн. На компасах того времени стрелку, закрепленную внизу, можно было повернуть вспять, нарушив ее полярность с помощью магнита.

Есть и еще один аспект – расстояние. От острова Сан-Пьетро до мыса Гуардиа, который корабль должен был бы пройти перед мысом Карфаген, оно составляет 130 морских миль. Ни один корабль того времени не смог бы обогнуть мыс Карфаген за ночь. Допустим, что Колумб несколько преувеличил: такие вещи забываются через несколько лет. Всегда заставляйте старого моряка, рассказывающего про феноменальные океанские переходы, сверяться с судовым журналом!

Этот рассказ действительно вписывается в историю Рене д'Анжу, титулярного короля Неаполя, заслужившего прозвище Рене Добрый. Хотя его войска были изгнаны из Генуи еще в 1461 году, он продолжал фрахтовать генуэзские галеры для защиты Прованса от берберийских корсаров и ведения политических действий против официальной Каталонии. Вплоть до

²⁴ Смесь, всякая всячина (*лат.*).

²⁵ Ф. Колон. «Жизнь адмирала дона Христофора Колумба».

²⁶ Галеас – тип парусно-гребных военных кораблей. Как самостоятельный тип судна находился в составе европейских флотов в XVI–XVII вв.

1472 года он поддерживал каталонское восстание против Хуана II Арагонского, чей трон унаследовал его сын, а само название галеаса «Фернандин» предполагает принадлежность судна к Арагонии. Как мы видели в предыдущей главе, нет никаких записей о юном Христофоре в период между 31 октября 1470 года (подтверждение долга за вино в Генуе) и 20 марта 1472 года. Следующая лакуна в биографии Колумба находится в границах от 26 августа 1472 года до 7 августа 1473 года. В течение первого пятнадцатимесячного промежутка, когда Рене все еще воевал с Хуаном Арагонским, Христофор мог совершить это путешествие на борту генуэзского вооруженного корабля, находящегося на анжуйской службе. Единственное невозможное обстоятельство – это заявление Колумба о том, что он был капитаном. Ни один молодой человек лет двадцати, который большую часть жизни чесал и ткал шерсть, не смог бы столь быстро занять такую должность. Подозреваю, что Христофор действительно был фок-мачтовым матросом на корабле Рене и одним из тех, кто обнаружил капитанский трюк, когда мыс Карфаген показался в поле зрения. Рассказывая об этом инциденте четверть века спустя в письме государям, Колумб повысил себя до капитана, чтобы более соответствовать званию Адмирала.

Если служение Рене Доброму стало первым морским приключением Колумба, то экспедиция Генуэзской республики на помощь острову Хиос – вторым. Дважды за время Первого путешествия – на Кубе и Эспаньоле, он описал местное дерево «гумбо-лимбо» (довольно неточно), приняв его за лентиск²⁷, «который я видел на острове Хиос в архипелаге», из которого добывалась (и до сих пор добывается) ценная камедная мастика.

Хиос был захвачен в 1346 году флотом генуэзских каперов, которые получили компенсацию от республики в виде монополии на землю, торговлю и доходы острова. Эти концессионеры образовали своего рода корпорацию под названием «Маона», которая управляла и эксплуатировала Хиос точно таким образом, как акционерные общества Франции, Англии и Нидерландов XVII века эксплуатировали отдельные части Северной Америки. Контроль над Хиосом давал «Маоне» фактическую монополию на мастику, которая в то время, благодаря своим известным целебным свойствам, была гораздо более ценной, чем сегодня. «Маона» получала огромные прибыли, пока не появились турки. После этого концессионерам корпорации пришлось занимать огромные суммы в банке Святого Георгия.

Известно, что к трем из пяти генуэзцев (или их семьям), которым Колумб оставил наследство в своей последней воле, относились Луис Центурионе, «генуэзский купец», его зять Батиста Спинола, а также помощник и партнер Центурионе Паоло ди Негро. Говоря современным языком, Дом Центурионе был одним из торговых банковских предприятий, сыгравших важнейшую роль в становлении и развитии финансового бизнеса. Его филиалы разместились по всему Средиземноморью, в Испании и Португалии; Центурионе организовал и отправил экспедицию во внутренние районы Африки на поиски золота. Известно, что Колумб работал в интересах этих финансистов в 1478–1479 годах, и вполне вероятно, что они и привели его к Хиосу. Существуют документы о том, что в 1474 году Джоффридо Спинола снарядил в Савоне корабль «Роксана» для торговли с Хиосом и его защиты от османов.

До сих пор сохранилось упоминание о том, что на борту «Роксаны», помимо моряков и солдат, находилось несколько «рабочих Савоны», в том числе и ткачи. Несомненно, в их число входил и Колумб. Как он мог упустить такой шанс? Ав 1475 году уже другая, более грозная экспедиция, включавшая корабли Николо Спинолы и Паоло ди Негро, отправилась из Генуи на Хиос.

В одном или другом из этих путешествий должен был участвовать Колумб. Мы можем представить его в экипаже генуэзской карраки или галеаса, проходящим мимо Сциллы и Харибды в Мессинском проливе, пересекающим затем Ионическое море до мыса Матапан

²⁷ Лентиск – мастиковое дерево (фисташка мастичная). Мастика – греческая смола особого вида фисташки. Не производится нигде в мире, кроме южной части Хиоса.

и, через пролив Черви за Киферой, поднимающимся к белым колоннам храма Посейдона на мысе Суниум, преодолевающим трудные течения в проливе Д'Оро между Андросом и Эвбеей, а затем, если повезет, поймав свежий норд – до мыса Мاستика, Хиос. Именно в этих плаваниях, если не учитывать плавание у Рене, он научился обращаться с парусами, правильно бросать и отдавать якоря, определять расстояния на глаз и всем другим корабельным тонкостям. Христофор учился морскому делу по-старому, трудным и единственным путем – приобретая опыт через практику. Книжные знания, арифметики и основ астрономии Колумб получил уже позже, будучи на берегу.

Вскоре после Хиоса Колумб профессионально присоединился к флотской службе, которая сыграла весьма на руку в его судьбе, забросив на берега Португалии. В мае 1476 года, когда большинство средиземноморских народов находились в состоянии войны, Генуя организовала большой конвой для продажи хиосской мастики в Лиссабоне, Англии и Фландрии. Основную часть этого флота составляли три галеаса и большое военное судно, принадлежавшие Спиноле и Ди Негро. Пятое судно под названием «Бечалла», фламандская урея (этот тип англичане называли «ког»), было укомплектовано в основном людьми из Савоны, и, вероятнее всего, именно на нем плыл Колумб. Его имени не было обнаружено ни в списках офицеров, ни в списках пассажиров, следовательно, он должен был числиться простым моряком. Отплытие состоялось из Ноли 31 мая, и караван, направившись на запад, благополучно прошел через проливы. 13 августа 1476 года у южного побережья Португалии недалеко от Лагоса около мыса Сент-Винсент корабли были внезапно атакованы франко-португальским военным флотом из тринадцати или более кораблей под командованием известного морского «героя» Гийома де Казена²⁸. Генуя и Франция должны были находиться в мире, но, поскольку на «Бечалле» развевался флаг Бургундии, с которой Людовик XI находился в состоянии войны, Казен считал весь генуэзский флот своей законной добычей. Мало того, что эта добыча была незаконна, она еще оказалась и нелегкой: жаркий и тяжелый бой бушевал в течение всего дня. К ночи три генуэзских и четыре неприятельских судна пошли ко дну, прихватив за собой на дно сотни людей, а уцелевшие корабли были рады разойтись по ближайшим дружественным портам для ремонта. Колумб сражался на одном из затонувших судов, предположительно на «Бечалле». Прыгнув за борт, он ухватился за обломок длинного весла и, толкая его вперед, добрался до берега. Будучи раненым в этом бою, Христофор преодолел вплавь расстояние более ШЕСТИ миль! Жители Лагоса хорошо относились к любым выжившим морякам, и, благодаря их помощи, Колумб в конце концов добрался до Лиссабона, где его забрал какой-то местный генуэзский колонист и окончательно вылечил от ран.

Есть и еще одно авантюрное плавание, совершенное Христофором, прежде чем начать новую карьеру в стране, с гостеприимством которой ему так повезло. В одной из записок Адмирала, писал Фернандо, говорилось о путешествии, которое он проделал, чтобы доказать способность выживать как в тропических, так и арктических зонах: «В феврале 1477 года я ходил в ста лигах от острова Тайл, северная часть которого находится на 73° северной широты, а не на 63°, как предполагают некоторые, и лежит он не на меридиане, откуда, по словам Птолемея, начинается запад²⁹, а гораздо западнее. И на этот остров, который такой же большой, как Англия, приезжают англичане со своими товарами, особенно из Бристоля. И в то время, когда я был там, море не замерзло, но приливы были так велики, что в некоторых местах они поднимались на 26 браччо³⁰ и опускались на столько же в глубину».

²⁸ Гийом де Казен (Гийом Казеновский, ок. 1450 – неизв.) – военно-морской авантюрист, вице-адмирал Нормандии на службе Людовика XI.

²⁹ Птолемей провел нулевой меридиан через Канарские острова.

³⁰ Генуэзский браччо был эквивалентен 22,9 дюйма. (Примеч. авт.)

Итак, какой же вывод мы можем сделать из прочитанного? Тайл (Туле), несомненно, означал Исландию. Известно, что в то время между Лиссабоном, Азорскими островами, Бристолем и Исландией велась оживленная торговля. Для южного побережья Исландии больше подходит широта $63^{\circ}30'$, а не 73° , но Колумб никогда не был особенно хорош в определении широты, и, по-видимому, его капитан в этом путешествии оказался не лучше. Исландия не так велика, как Англия, но ее западное побережье действительно лежит к западу от меридиана Ферро, принятого Птолемеем за нулевой. Исследователи Арктики сходятся во мнении, что в некоторые зимы море остается свободным ото льда до 300 миль к северу от Исландии. Вильялмур Стефанссон³¹ нашел исторические свидетельства того, что зима 1476/77 года как раз к таким и относилась. Странно, что посетивший Исландию Колумб, видевший ее фьорды, не упомянул о них в отрывке своего дневника (21 декабря 1492 г.), в котором упоминает предельные широты своих прежних путешествий и заключает, что залив Акул-Бей в Гаити был лучшей гаванью, которую он когда-либо видел. Возможно, будучи южанином, он нашел фьорды Исландии отгалкивающими. Странно, что в заметке на полях своего экземпляра «Имаго Мунди»³² он отметил: «На расстоянии одного дня плавания от Туле море замерзло». Но Колумб, несомненно, посетил ирландский Голуэй, естественный порт захода перед Исландией, поскольку на полях своего экземпляра «Истории вещей» Энея Сильвиуса сделал пометку: «Сюда пришли люди из Катая, который находится на Востоке. Мы видели много замечательных вещей, особенно в ирландском Голуэе. Мужчина и женщина необычной внешности на двух лодках, плыли по течению» – скорее всего, плосколицые финны или лопари. Единственный инцидент «исландского» похода Колумба, врезающийся в память, – описание 50-футовых приливов. Такие можно найти только в двух или трех местах в мире, а известный исторический максимум в Рейкьявике составляет всего 13 футов. Было бы напрасной тратой времени и усилий, чтобы найти этому объяснение. «Те, кто спускается в море на кораблях и занимается своими делами в больших водах», иногда видят много «чудес в глубинах»³³. Старые мореплаватели знают, что псалмопевец говорил правду³⁴. В наши дни мы бы просто не говорили о подобных вещах, заранее предвосхищая их абсурдность. Однако во времена Колумба считалось возможным все, и о каждом привидевшемся «чудесном» явлении обязательно сообщалось. Нет причин отвергать путешествие Христофора в Исландию из-за «громоздкого» прилива. С таким же успехом можно начать оспаривать и его Третье трансатлантическое путешествие только потому, что в нем он отметил увеличение углового расстояния до Полярной звезды.

Описание путешествия в Исландию содержится в четвертой главе «Жизнеописания» Фернандо, куда он включил все, что смог найти в трудах Адмирала о ранних путешествиях. Эта экспедиция подтверждается данными и других источников, которые, несомненно, являются подлинными. Но каковой же была его возможная цель? Или Колумбу вместе с капитаном не терпелось проверить заявление Плиния о том, что температура на Северном полюсе настолько мягкая и умеренная, что жителям наскучивает жизнь и они решаются на самоубийство? Шутки в сторону, путешествие, которое привело Колумба в Исландию и дальше, было, вероятно, незарегистрированной попыткой какого-то предприимчивого португальского капитана совместить прибыльную торговлю бакалу³⁵ с исследованием Арктики.

Но есть один вопрос, остающийся без ответа. Собрал ли Колумб в Исландии какую-либо информацию, которая была полезной для осуществления Великого предприятия? Новый «нордический» миф на этот счет сейчас в процессе создания. Колумб, как на это намекают (затем

³¹ Вильялмур Стефанссон (1879–1962) – канадский полярный исследователь, этнограф и писатель.

³² «Имаго Мунди» – название нескольких книг XV столетия (наиболее известная – «Космография» французского богослова Пьера д'Альи (1410).

³³ Прямая отсылка к тексту псалма 106.

³⁴ Подразумевается царь Соломон.

³⁵ Бакалу – португальское слово, подразумевающее семейство блюд на основе соленой сушеной трески.

спорят и, наконец, утверждают, считая доказанным фактом), получил в Исландии информацию о Гренландии и Винландии Лейфа Эрикссона и держал это в «секрете». По этой теории, Винландия, страна дикого винограда скандинавов, была той землей, которую Колумб предложил заново «открыть», пересекая Атлантику.

Информация о Винландии, несомненно, приветствовалась бы Колумбом, но она, вне всякого сомнения, была бы включена Фернандо в десятую главу, где собраны все мифические и «описанные» острова, упомянутые в записках отца. Поскольку о Винландии там нет ни слова, мы можем быть уверены, что Колумб никогда о ней не слышал. Другими словами, если мы принимаем положительное свидетельство Фернандо о путешествии в Исландию, мы должны также принять и его отрицательное свидетельство о том, что Колумб не нашел там никакой полезной информации. Однако о Гренландии он, скорее всего, слышал, поскольку Исландия лишь недавно потеряла связь с тамошней норвежской колонией, и в литературе до 1492 года о ней есть несколько упоминаний. Частично суть нового «нордического» подхода заключается в намеке на то, что Гренландия, лежащая западнее Исландии и, как следствие, указавшая путь Колумбу, – это Америка. Но позвольте! Гренландия всегда изображалась на картах доколумбовой эпохи как полуостров Северо-Западной Азии и, как таковая, не имела для Колумба ровно никакого значения. Не интересовали его и ведущие продукты Гренландии – белые соколы и моржовые бивни. Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что Колумб получил от своего путешествия в Исландию что-то еще, кроме опыта и приключений, причем и того и другого в изобилии.

Покинув ткацкий станок отца, Христофор, как минимум, совершил путешествия из Генуи в Марсель и Тунис, одно или два из Генуи на Хиос, одно за пределы пролива, закончившееся морским сражением, а также в Ирландию, Исландию и некоторые северные районы. Теперь он был готов к большим свершениям. Возможно, Великое предприятие уже закипало в энергичном сознании первооткрывателя.

Глава 4

Лузитания (1477–1485)

И там, где волны бег свой начинают, Где суша обрывается над морем, Собой Европы голову венчают Моей страны поля, равнины, горы.
Луис де Камонс. «Лузиады», песнь 3, ст. 20

К весне 1477 года Колумб вернулся в Лиссабон, куда он впервые прибыл прошлой осенью, высушив одежду и оправившись от морской битвы у мыса Сент-Винсент. Эта удачная «высадка» в Португалии стала поворотным моментом в карьере Христофора, поскольку волей случая он доплыл до берега мирового центра морских путешествий и исследований. Колумб оказался среди людей, которые могли научить его всему, что он хотел: португальскому и кастильскому, языкам дальних мореплавателей, латыни для чтения географических трудов прошлого, математике и астрономии для навигации. Здесь знали все о судостроении и такелаже и... И прежде всего, здесь могли преподать науку открывать новые земли.

В то время Португалия, древняя Лузитания, была самой оживленной и инициативной страной Европы. В этот последний период Средневековья едва ли не в одиночку она расширяла границы известного мира. Открыв и заселив ранее безлюдные Азоры, Португалия в течение почти полувека отправляла суда все дальше и дальше на юг вдоль побережья Западной Африки. *Os rudos marinhoiros*³⁶, суровые мореплаватели Камонса, доказали, что тропические моря судоходны, а земли на экваторе пригодны для жизни, развеяли арабский миф о *mare tenebrosum*³⁷, учились находить дорогу по звездам и обрели такую уверенность в навигации, что каждые несколько лет предпринимали очередные попытки открывать все новые и новые земли, лежащие за Азорскими островами.

³⁶ Шумные моряки (*порт.*).

³⁷ «Темное море», южный предел мореплавания по Атлантике (*лат.*).

СЛУЧАЙ В ПУТЕШЕСТВИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА

С карты османского мореплавателя, адмирала и картографа Пири Рейса, 1513 г.

Инициатором поступательного и прогрессивного движения стал инфант дон Энрике, более известный как Генрих Мореплаватель³⁸, талантливый организатор, вокруг которого сплачивались мореплаватели, увлеченные новыми географическими открытиями. Его штаб-квартира находилась на мысе Сент-Винсент всего в нескольких милях от того места, где раненый Колумб выплыл на берег. Поскольку здесь преобладают норды, галеры и парусные суда, направлявшиеся из Южной Европы в Северную, обычно бросали якорь на рейде Сагреш к югу от мыса, ожидая благоприятной перемены направления ветра. На пустынных скалах, нависающих над дорогами Сагреша, ставших естественным пунктом обмена морской информацией, принц выстроил себе город, в котором было все необходимое для снабжения и привлечения моряков, включая своеобразную информационную службу, сделавшую это уединенное поселение прародителем морской обсерватории и гидрографического бюро сегодняшнего дня. Дон Энрике раздобыл все карты и *roteiros*³⁹ направлений плавания, которые только смог найти в этом мире. Математики-навигаторы поощряли мореплавателей отправляться от каботажа в глубокую воду, а лоцманы обладали компетентностью, позволяющей прокладывать обратный путь.

³⁸ Генрих Мореплаватель (1394–1460) – инфант Португалии, сын короля Жуана I, организатор множества португальских морских экспедиций вдоль западноафриканского побережья.

³⁹ Маршрутные справочники (*порт.*).

На раздобытых картах Каталонии и Майорки принц Генрих обнаружил цепочку островов – далеко в океане за пределами Португалии. Этот архипелаг всего лишь отображал легенду о святом Брендане, ирландском святом мореходе шестого века: сага о его морских путешествиях относилась к числу самых популярных среди моряков Средневековья. Подобно тому как Колумб наткнулся на Новый Свет в поисках Индии, капитаны инфанта, разыскивая мифические острова Святого Брендана, нашли Азорские острова. Семь были открыты к 1439 году, а в 1452 году к архипелагу прибавились далекие Флориш и Корво, находящиеся всего в тысяче миль от Лабрадора. Последние открыл легендарный капитан Диого де Тейве вместе со своим испанским лоцманом, который прожил достаточно долго, чтобы вдохновить Колумба. Эти красивые и плодородные острова, расположенные на расстоянии от семисот до почти тысячи миль от материкового берега, быстро заселяли португальцы и фламандцы. Мадейра и близлежащий Порто-Санту, открытые в предыдущем столетии, были колонизированы по приказу инфанта в 1418 году. Между прочим, дочь Бартоломео Перестрелло, губернатора Порто-Санту, приблизительно в 1479 году вышла замуж за Колумба. Острова Зеленого Мыса были открыты венецианцем и генуэзцем на службе у принца между 1456 и 1459 годами.

Еще более тесно связаны с открытием Америки африканские путешествия, совершенные под руководством принца Генриха. Ибо «прежде всего, – как отмечал его восхищенный летописец Азурара, – принц должен был попытаться открыть то, что было таинственно и сокрыто от других людей». Его первая цель заключалась в выяснении, что же находится за мысом Нао или Нун⁴⁰ на западной выпуклости Африки, но это было не так-то нелегко.

«Хотя многие и отправились в путь, и это были люди, снискавшие добрую славу своими подвигами, никто не осмелился выйти за пределы этого мыса... И по правде говоря, дело заключалось не в недостатке мужества или доброй воли, а в том, что им пришлось иметь дело с вещью совершенно новой, смешанной с древними страшными преданиями, из поколения в поколение передающимися мореплавателями Испании. И хотя эти легенды были обманчивы, предприятие казалось слишком опасным. Было сомнительно, что найдется кто-то, готовый первым рискнуть жизнью в таком сомнительном приключении».

Год за годом принц отправлял корабли с приказом найти то, что лежит за мысом Нун, и год за годом они возвращались в Лагос под теми или иными предлогами. Но «инфант с большим терпением встречал капитанов, вернувшихся с пустыми руками, и никогда не выказывая своего негодования, милостиво выслушивая рассказы об их приключениях, вознаграждая, как и тех, кто хорошо выполнил свое дело, и... тотчас же отправлял обратно с той же целью». Настойчивость Генриха в этом вопросе наконец была вознаграждена, когда в 1434 году Жил Занес⁴¹ обогнул Нун, обнаружив, что известных ужасов океана к югу от 28° северной широты не существует. За несколько лет корабли прошли достаточно далеко, чтобы иметь возможность захватывать негритянских рабов и продавать их за золотой песок. Несколько лет спустя португальцы построили форт и факторию на острове Арген (около 20° северной широты), а к 1460 году, когда уже умер Генрих, его каравеллы миновали Дакар и находились совсем рядом со Сьерра-Леоне, то есть всего в десяти градусах севернее экватора.

До сих пор остается предметом споров, стремился ли дон Энрике достичь Индии, совершив кругосветку от берегов Африки, и что имел в виду папа, предоставляя в 1456 году Португалии «исключительную юрисдикцию» на эту страну? Подразумевалась ли настоящая Индия или «передний край» владений пресвитера Иоанна? Этот мифический христианский властитель должен был господствовать где-то в Азии или Африке. В основе легенды лежала Абиссиния, но в воображении средневековых европейцев пресвитер Иоанн считался самым богатым

⁴⁰ В настоящее время мыс Бохадор на территории Западной Сахары, управляемой Марокко.

⁴¹ Жил Занес (неизв. – XV в.) – португальский мореплаватель XV в. До Эанеса было совершено пятнадцать неудачных попыток обогнуть мыс Нун.

и могущественным монархом, и контакт с ним был горячо желанным в политических целях. Заручившись поддержкой пресвитера, европейская церковь предполагала разжечь обратную христианскую реакцию против неверных турок. А ведь и сам Колумб когда-то считал, что идет по горячим следам пресвитера Иоанна, будучи на Кубе!

В течение почти десяти лет после смерти Генриха португальцы почти не продвигались дальше на юг, если не считать заселения островов Зеленого Мыса. Затем, в 1469 году, король Афонсу V предоставил лиссабонскому купцу по имени Фернан Гомес монополию на торговлю с гвинейским побережьем при условии, что он будет исследовать его на сто лиг каждый год в глубину территории. Нет сомнения, что к этому времени португальская корона уже искала южный морской путь в Индию. Суда Гомеса быстро прошли Нун и открыли самую богатую часть Западной Африки: Золотой Берег, Берег Слоновой Кости и Малагету, где был найден сорт перца, почти такой же острый, как и восточноиндийский. К 1474 году, когда срок монополии Гомеса истек, он переправил корабли через Гвинейский залив и достиг острова Фернандо-По на $3^{\circ}30'$ северной широты, где африканское побережье снова поворачивает к югу.

Между тем торговля с Африкой стала монополией короны под руководством инфанта Жуана, окончательно унаследовавшего трон в 1481 году под именем Жуан II. Португальское морское предприятие приносило свои богатейшие плоды. Каждую весну флотилии каравелл под латинскими парусами⁴², специально предназначенных для торговли, привозили в Тежу мешки с перцем Малагета, связки слоновьих бивней, караваны чернокожих рабов и сундуки золотого песка. Осенью они снова отправлялись в путь с трюмами, полными красных шапок, ястребиных колокольчиков, венецианских стекляшек и прочей дребедени, покупаемой аборигенами за золото. Особенно ценились лошади, за которых местные вожди платили совершенно фантастические цены. Вдоль набережных и на узких улочках старого города можно было услышать все языки, на которых говорят от Исландии до Камеруна; моряки из Скандинавии, Англии и Фландрии стали теснить испанцев, генуэзцев, мавров, берберов и обращенных в христианство негритянских властителей. Из окон своего дворца на Прасаду-Комерсиу дон Жуан мог наблюдать дюжины кораблей из самых разных стран, натягивающих канаты в водах быстрой Тежу. Надо полагать, что при этом королевские ноздри приятно щекотал запах разгружаемых специй. Здесь возводились новые церкви и дворцы, дома итальянских банкиров и еврейских менял: предприимчивый Лиссабон стал богат и жизнерадостен, резко контрастируя с застойной Генуей, чьи владения безнаказанно грабили турки.

Лиссабон, столица, воспетая Камозэнсом, по-прежнему остается одним из самых красивых среди крупнейших портов мира, а тогда он еще считался и самым привлекательным местом во всей Европе для таких амбициозных молодых моряков, как Колумб. Этот город смотрел наружу, а не внутрь; он обращался вперед, к мировому господству, а не назад, к славе прошлых веков. От его причалов ничего не стоило выйти в открытый океан, минуя долгие утомительные проходы. Из устья Тежу открывался весь западный сектор на 180 градусов. В свое время Колумб, как и многие другие, отходил оттуда на север, в Исландию и за ее пределы; португальцы направлялись на юг, вдоль западного побережья Африки. Так почему бы не попробовать найти отсюда дорогу в Японию, Китай и Индию?

Что могло бы этому помешать? Конечно, не было никакой речи о теории плоской земли, ибо, пожалуй, самое вульгарное и абсурдное заблуждение, связанное с именем Колумба, состоит в том, что он хотел убедить человечество в «круглости мира». Любой образованный человек того времени уже знал о его сферичности, чему учили в каждом европейском университете, и даже самый последний матрос сомневался в практической возможности «плыть внутрь», видя небольшое искривление линии горизонта. В свое время Аристотель писал, что

⁴² Латинский парус – треугольный парус, установленный на длинном рее под углом на мачте и идущий в направлении вперед и назад, позволяющий лавировать против ветра.

путь от Испании до Индии лежит через океан, а добраться до нее можно за несколько дней. Другой великий грек, географ Страбон, умерший около 25 года н. э., намекнул, что некоторые это действительно пытались сделать: «Те, кто вернулся из попытки совершить кругосветное плавание, не говорят, что им помешали продолжить свое путешествие какие-либо преграды; море оставалось совершенно открытым. Во всем были виноваты отсутствие решимости и нехватка провизии».

Незадолго до появления Колумба в Португалии королю Афонсу V пришла в голову идея, что его люди ищут дорогу в Индию слишком долгим способом, а Западный океанский путь может оказаться и короче, и безопаснее. В этом же его пытался заверять один флорентийский ученый.

Все началось с того, что каноник Лиссабонского собора по имени Фернандо Мартинс, будучи в Италии, познакомился с флорентийским врачом и гуманистом по имени Паоло даль Поццо Тосканелли. Врачи пятнадцатого века были склонны к математике и астрономии, поскольку звезды помогали медицине того времени «принимать решения» при спорных вопросах, а уж от астрономии оставалось совсем недалеко до географии и оценки размеров земного шара. Другими словами, эти вопросы были у Тосканелли своего рода увлечением.

В начале четырнадцатого века Марко Поло привез из своего совместного путешествия с отцом и дядей⁴³ удивительные истории о славе великого хана⁴⁴, о Китае и об островном королевстве Чипунгу (Япония), которое лежало у китайского побережья – в 1500 милях. «Книга сира Марко Поло» распространилась в бесчисленных рукописных экземплярах еще до изобретения книгопечатания и, среди многих других, воспламенила воображение Колумба. Однако западные географы пятнадцатого века обычно считали Марко Поло лжецом, поскольку он описывал гораздо большее распространение Азии на восток, что не совпадало с классической географией Птолемея. В то время почитание древних было настолько велико, что, если какое-либо открытие противоречило Птолемею, тем оказывалось хуже для первооткрывателя. Американская картография на протяжении почти полувека после Колумба отмечена забавными попытками картографов сопоставить его новые исследования с Птолемеевой Азией. Тосканелли относился к тем немногим людям науки, которые безоговорочно восприняли результаты путешествия Марко Поло, и, следовательно, полагал, что восточный край Азии лежит гораздо ближе к Португалии, чем предполагали остальные. Его друг, каноник Мартинс, поделился этой идеей с королем Португалии, который, в свою очередь, попросил Фернандо раздобыть письмо Тосканелли с изложением новых взглядов.

Тосканелли ответил канонику письмом из Флоренции от 25 июня 1474 года, копия которого позже была получена Колумбом и использована в качестве «главного вещественного доказательства» в его «деле». Паоло был рад узнать, что король заинтересован в «более коротком пути по морю в земли специй, чем тот, который вы [португальцы] прокладываете через Гвинею». Тосканелли составил карту, в которой представил предполагаемый курс с указанием долгот и широт и послал ее королю. На этой карте были отмечены места высадки, которые может совершить судно, плывущее на запад из Португалии, точно определить координаты и убедить туземцев в «обладании некоторыми знаниями об их стране, что, несомненно, доставит им немалое удовольствие». По мнению Тосканелли, примерно через 5000 миль к западу от Лиссабона курс должен был привести к Квинсею, столице китайской провинции Манга. В соседней провинции, Катай, проживает император Китая, Великий хан, «чье имя на латыни означает царь царей» (подробнее об этом властителе мы услышим позже). Альтернативный маршрут в Китай проходил мимо «известного вам острова Антилья», а через 2000 миль наталкивался на «благородный остров Чипунгу, самый богатый в мире золотом, жемчугом и дра-

⁴³ Братья Никколо (1230–1294) и Магтео Поло (1230–1309).

⁴⁴ Подразумевается Хубилай-хан, император-основатель империи Юань.

гоценными камнями, покрывающими храмы и королевские резиденции... Таким образом, не существует других неведомых путей, позволяющих пройти большие морские пространства». Безусловно, Тосканелли мог бы объяснить множество и других интересных вещей, но ожидал, что король сам разберется с этим делом.

Ни Афонсу V, ни его сын ничего не предприняли в связи с этим необычным письмом, но отголоски мы найдем в дневниках Колумба при каждом его великом путешествии. Португалия была довольна своим многообещающим продвижением вдоль побережья Западной Африки, огромными прибылями, которые приносили короне исследования в этом направлении, и ожиданием, что в любой день каравелла, продвигающаяся на юг, может открыть морской путь в Индию.

Точные передвижения Колумба в течение восьми или девяти лет, которые он провел под португальским флагом, никогда уже не могут быть выяснены, поскольку великое лиссабонское землетрясение⁴⁵ уничтожило нотариальные и судебные документы, в которых мы могли бы найти хоть какие-то следы его активной деятельности. По данным генуэзского летописца Антонио Галло, Бартоломео Колумб, обосновавшийся в Лиссабоне раньше Христофора, открыл предприятие по составлению карт, взяв в партнеры старшего брата, и передал ему идеи, которые привели к великим открытиям. Андрес Бернальдес из Севильи, хорошо знавший Колумба, описывает его в своей современной истории как «торговца печатными книгами, который вел свою торговлю в этой земле Андалусии... человек большого ума, хотя и мало знающий книги, очень искусный в искусстве космографии и составления карт мира». То, что Колумб действительно был искусным картографом, видно по уверенным штрихам сделанного от руки наброска северной части Гаити – единственной его карте, сохранившейся до наших дней. Существующее мнение, что младший брат научил Христофора этому искусству, может быть поставлено под большое сомнение, ибо, если доверять более позднему заявлению самого Бартоломео, он был еще подростком, когда Христофор прибыл в Лиссабон. Конечно, он покинул дом раньше старшего брата и мог первым добраться до Лиссабона, где, благодаря добрым услугам какого-нибудь тамошнего соотечественника-генуэзца, пройти стадию ученичества в составлении карт еще до прибытия старшего брата. Или же он, возможно, изучил азы в одной из многочисленных мастерских в Генуе и смотрел на Лиссабон как на место с большим числом многообещающих вакансий. Мужчины старше пятидесяти, как и женщины старше тридцати, склонны забывать о днях своего рождения. Кажется более вероятным, что в 1512 году аделантадо было ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти годам, нежели то, что генуэзский хронист ошибся в фактах. Давайте предположим, что Христофор действительно нашел Бартоломео, всего на год или два младше себя, уже составлявшим карты в Лиссабоне в 1477 году, и оба брата стали партнерами в поставке товара, имевшего большой спрос, ввиду активности португальской морской экспансии.

В том, что генуэзцы работали в Лиссабоне, не было ничего нового. Пятьдесят или более лет назад они выкупили участок на мысе Сент-Винсент, а, как отмечал Азурара, «генуэзцы, как вы знаете, никогда не будут тратить свои деньги без большой надежды на прибыль». Множество генуэзских капитанов, в том числе и таких, как Усодимаре и Антонио да Ноли, поступили на службу к инфанту или к королю, после чего сделали ряд важных открытий. В свое время на ранних картах Западной Африки одно время мелькало название «Рио-де-Генуэзо». Сужение сферы влияния Генуи в Леванте вынудило многих ее лучших моряков и бизнесменов эмигрировать. В Португалии их стало так много, что в 1481 году кортесы обратились к королю с петицией о запрете генуэзцев появляться в их владениях, утверждая, что те ни на что не годятся, кроме как красть важные секреты торговли в Африке и на Западных островах. В конце концов, корона приняла политику их исключения в части, касающейся Африки, но, когда Колумб

⁴⁵ Произошло 1 ноября 1755 г., одно из самых разрушительных и смертоносных землетрясений в истории.

прибыл в Лиссабон, в городе существовала весьма сильная генуэзская колония. В свое время соотечественники уже брали на себя заботу о юном Христофоре после памятного кораблекрушения, а теперь, по-видимому, стали покровительствовать его картографическому бизнесу и помогли восполнить скудное образование. Мы можем предположить, что именно в первые год или два пребывания в Португалии Христофор научился читать и писать по-кастильски и начал осваивать латынь. Последней было необходимо владеть для общения с вельможами и учеными, и, кроме того, только этот язык мог открыть пытливому уму знания прошлого.

Нам не дано располагать точными сведениями, как долго Колумб оставался на берегу, но летом 1478 года он снова находился в море. Паоло ди Негро, партнер Центурионе, нанимавший Христофора для похода к Хиосу, снова воспользовался его услугами в Лиссабоне. Колумбу предстояло выйти на Мадейру для закупки не менее 2400 арроб⁴⁶ (около 60 000 фунтов) сахара. Центурионе выдал Ди Негро на эту цель 1290 дукатов, но Ди Негро выдал из них Колумбу лишь малую толику – 103,5 дуката. Имея на руках эту небольшую часть денег, Колумб отправился в Фуншал⁴⁷, где и заключил контракт на полную сумму, которая должна была быть отправлена после оплаты остатка. Но к тому времени, когда прибыло судно для погрузки сахара, недостающая сумма так и оставалась невыплаченной, а торговцы отказались поставлять сахар в кредит. Таким образом, Колумб был вынужден отправиться в Геную с небольшим грузом. Это поставило в неловкое положение самого Центурионе, который, возможно, уже заключил контракт с заказчиками на полную сумму, и 25 августа 1479 года Христофор был допрошен в суде наравне с другими свидетелями. Описанный нотариусом как гражданин Генуи «27 или около того лет», Колумб заявил, что имеет при себе лишь 100 флоринов, и выразил намерение отбыть в Лиссабон на следующее утро.

Очевидно, молодой человек завоевал доверие генуэзских работодателей, поскольку ему было доверено заключение деловой сделки на весьма значительную сумму. Следующим важным событием в жизни Христофора стала женитьба на Фелипе Перестрелло э Монис, указывающая на то, что одно из первых семейств Португалии считало его перспективной партией.

По словам Фернандо, Христофор познакомился со своей женой при посещении мессы в часовне монастыря Дос-Сантос в Лиссабоне. Этот монастырь принадлежал рыцарям военного ордена Святого Яго. Изначально служащий женским убежищем на время пребывания рыцарей в походах, со временем Дос-Сантос превратился в своего рода модную школу-интернат для дочерей португальской аристократии. В монастыре, который возвышался над Тежу недалеко от картографического заведения Христофора и Бартоломео, находилась действующая часовня. В ней молодые люди, ищущие хорошую партию, находили приятным одновременно выполнять свои религиозные обязанности. Каким уж образом Христофор добился расположения Фелипы, история умалчивает. Предположительно, это была одна из интрижек, которая завязывается между молодыми людьми, когда один проходит внизу под окном по тротуару, а другая именно у этого окна и сидит. Биографы Колумба отвечают на этот вопрос чрезвычайно просто: «Поскольку он вел себя очень честно и достойно, такие дружеские отношения не могли, рано или поздно, не перейти в супружеские». Дата и место свадьбы нам также неизвестны, но, поскольку их сын, по-видимому, родился в 1480 году, остается только предполагать, что Христофор и Фелипа обвенчались во второй половине 1479 года, сразу после возвращения жениха из Мадейры и Генуи, в той самой часовне, где впервые увидели друг друга. Тем не менее не исключается, что свадьба состоялась раньше и молодая супруга сопровождала Колумба на Мадейру.

Некоторым писателям этот брак представляется великой тайной. Как мог иностранный картограф низкого происхождения, буквально несколько лет назад чesавший шерсть, жениться

⁴⁶ Арроб – традиционная иберийская мера веса и объема.

⁴⁷ Фуншал – столица и морской порт о. Мадейра.

на наследнице одного из самых знатных семейств королевства? Все-таки Фелипа была дочерью дона Бартоломео Перестрелло и его третьей жены, доньи Изабель Монис. Сам Перестрелло, выходец из знатной семьи из Пьяченцы, эмигрировавшей в Лиссабон еще в предыдущем столетии, участвовал во второй колониальной экспедиции в Порто-Санту и Мадейру 1425 года, получил наследственное звание капитана и должность губернатора меньшего острова от инфанта дона Энрике, где и умер приблизительно в 1457 году. Отец доньи Изабель, Хиль Айрес Монис, принадлежал к одной из старейших семей в Алгарви и сражался вместе с инфантом при Сеуте⁴⁸. После смерти мужа донья Изабель продала свои вдовьи права на губернаторство в Порто-Санту Педро Корреа да Кунья, мужу одной из ее падчериц, после чего уехала в Лиссабон. Ее собственный сын Бартоломео по достижении совершеннолетия добился отмены акта уступки и в 1473 году взял губернаторство на себя. Для поддержания пышности бывшего ранга донья Изабелле явно не хватало средств, а поскольку двадцатипятилетняя донья Фелипа была старшей из двух ее дочерей, поймав на ней блуждающий взгляд юного Христофора, она не могла скрыть своей радости. Теперь ей больше не приходилось оплачивать монастырские счета, а в качестве зятя достался перспективный молодой человек с благородными манерами и не просящий приданого.

Фернандо Колумб, рожденный вне этого брака, а от более поздней связи, сообщал, что Колумб некоторое время жил в доме тещи, которая, заметив его интерес к морю, выкладывала перед зятем целый ворох старых баек, слышанных от покойного мужа. В частности, на свет выплыла забавная история про то, как Бартоломео во время своей первой высадки на Порту-Санту взял с собой беременную крольчиху, которая каким-то образом сбежала. Кролики размножались так быстро, что в течение года полностью покрыли остров и съели на нем все зеленые побеги. Португальцам пришлось перебраться на соседнюю Мадейру, а заселение Порто-Санту было отложено до восстановления природного равновесия. Поскольку «эти рассказы и путешествия очень нравились Адмиралу, донья Изабель отдала ему все записи и морские карты, оставленные мужем. Это еще больше взволновало отца, поскольку он узнал из них много нового о других плаваниях и навигациях, совершаемых португальцами».

До нас не дошло ни малейшего намека на внешность или характер единственной жены Колумба. Донья Фелипа осталась для истории такой же неясной фигурой, как и мать первооткрывателя, и мы даже не знаем, когда именно она умерла. Осталось известным лишь то, что это произошло раньше, чем Колумб покинул Португалию в 1485 году, и что она была похоронена при церкви Кармо, чьи разрушенные землетрясением руины до сих пор возвышаются над старым городом Лиссабоном. О передвижениях Колумба в течение следующих нескольких лет сохранилось мало определенной информации. По-видимому, после короткого пребывания с доньей Изабель в Лиссабоне он и его жена отправились в Порто-Санту, где губернаторствовал ее брат, Бартоломео Перестрелло II. Единственный ребенок Христофора, названный Диего, родился там около 1480 года.

Порто-Санту, расположенный в 30 милях к северо-востоку от Мадейры, имеет такой же высокий зубчатый рельеф, как и большинство Западных островов, и виден с большого расстояния. Приближаясь к Порто-Санту со стороны мыса Бланко в Африке, мы увидели остров в 10:45 утра 14 ноября 1939 года. Хотя, подгоняемый хорошим северо-восточным пассатом, наш крепкий катер развивал скорость 5 узлов, только в 4:45 вечера мы встали на якорь на рейде у города Вилья-Балейра. Наши хозяева были совершенно уверены, что карты и документы, подаренные тещей, Колумб закопал где-то на острове, поскольку именно так люди поступали со своими ценностями в семнадцатом веке, когда на них совершали набеги мавры. Церковь, в которой, должно быть, крестили Диего, все еще стоит на месте, а в скромном доме неподалеку,

⁴⁸ Сражение 1415 г. между армией Португалии под командованием Генриха (Энрике) Мореплывателя и войсками династии Ваттасидов под командованием правителя Бен Салаха (берберская династия Марокко).

согласно преданиям, жили Колумб и Фелипа. Однако я подозреваю, что это «предание» было придумано ради одного американца, который более пятидесяти лет назад посетил этот остров в поисках реликвий Христофора. Вблизи Порто-Санту менее красив, чем на расстоянии: создается впечатление, что он так и не оправился от набегов кроликов Перестрелло.

Опять же, вероятно (ни один читатель не может более, чем я, утомиться от этих бесконечных предположений), чета Колумб провела большую часть следующих нескольких лет на острове Мадейра. При заходе в Фуншал во время Третьего путешествия в 1498 году Колумб записал в своем дневнике (как потом это перефразировал Лас Касас от третьего лица): «В городе ему оказали очень хороший прием, и было много развлечений, благодаря известности, приобретенной за некоторые годы жизни». Поскольку Фуншал уже около пятидесяти лет процветал, Колумб, должно быть, обосновался в нем как торговец. Со старыми связями через Центурионе и с новыми, завязанными через брак, ему следовало преуспевать.

Итак, в 1481 году после смерти старого короля, трон унаследовал «полноправный принц», его сын Жуан II. Молодой, энергичный, мудрый, образованный и амбициозный, он ни в чем не уступал по способностям любому монарху своего возраста. Незадолго до его восшествия на престол длительная и бесплодная война с Кастилией была завершена Алькасаровским договором, в котором Испания признала исключительные права Португалии на африканское побережье и острова к югу от Канарских островов, но последние оставались за Испанией. Управляя монополией короны на африканскую торговлю, Жуан решил выстроить на Золотом берегу касду – своего рода замок-крепость, достаточно сильно укрепленный для того, чтобы отбиваться от любых европейских соперников и поддерживать порядок среди туземцев. В Лиссабоне был сформирован флот, состоящий из девяти каравелл и двух урей (грузовых судов, подобных ушедшей на дно «Бечалле») с несколькими сотнями солдат, каменотесов, строителей и прочих ремесленников, при этом папа дал полную индульгенцию всем христианам, входившим в состав экспедиции. Корабли под началом Диогу де Азамбужу⁴⁹ вышли из Лиссабона в конце 1481 года. Той зимой на Золотом берегу закипело грандиозное предприятие по возведению огромной каменной крепости средневекового образца с башенками, рвом, часовней, складом и рыночным двором, охраняемой собственным гарнизоном. Этот первый португальский форпост на берегах тропической Африки получил название Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина), поддерживал суверенитет страны и защищал ее торговлю на Золотом берегу. Колумб либо принимал участие в экспедиции Де Азамбужу, либо совершил путешествие к касде вскоре после постройки, о чем свидетельствуют записи, которые он делал на полях своих любимых книг. В своем экземпляре «Истории вещей», напротив места, где цитируется Эратосфен об умеренном климате ниже экватора, Колумб пишет: «Перпендикулярно под экватором находится замок Мина, самое безмятежное место Португальского королевства из когда-либо нами виденных». Далее он выражает несогласие с утверждением Пьера д'Альи⁵⁰ о том, что жаркая зона непригодна для жизни: «Она не необитаема, потому что португальцы плавают через нее сегодня, и даже густо-населена, а под экватором находится касда Мина светлейшего короля Португалии, который мы уже видели». Более того, в своем знаменитом примечании к размышлениям д'Альи о размерах Земли он добавляет: «Обратите внимание, что часто, отправляясь из Лиссабона на юг в Гвинею, я внимательно следил за курсом...»

Слово «часто» привело некоторых к выводу, что Колумб совершил более одного плавания в Гвинею, но оно явно относится к частоте наблюдения солнца, а не к частоте плаваний. Когда же было совершено это путешествие в Гвинею? Колумб нигде не упоминает Диогу де Азамбужу, что, по-видимому, он непременно сделал бы, если бы участвовал в экспедиции под командованием такого выдающегося капитана. Отсюда я прихожу к выводу, что он посещал

⁴⁹ Диогу де Азамбужа (1432–1518) – португальский дворянин, политик и мореплаватель.

⁵⁰ Пьер д'Альи (1350–1420) – французский епископ Ле-Пюи; видный философ, теолог, представитель поздней схоластики.

Элмину в 1482–1483 или в 1483–1484 годах, а возможно, и оба раза в качестве капитана или офицера торговой экспедиции или королевских кораблей, посланных для усиления гарнизона. Недатированный случай одного из ранних путешествий Колумба, в котором он командовал бы двумя кораблями и оставил один в Порту-Санту, а на другом отправился в Лиссабон, идеально соответствовал бы обратному переходу с Золотого берега.

Западная Африка произвела на Колумба большое впечатление. В дневнике своего Первого путешествия он часто сравнивает людей и товары «Индии» и Гвинеи. Опыт плавания к Золотому берегу и обратно в компании с португальскими лоцманами, должно быть, значительно улучшил морское мастерство Колумба, хотя можно усомниться в том, что эта экспедиция дала ему богатые практические навыки в астронавигации.

Он узнал великое множество полезных вещей от своих португальских товарищей по кораблю, считавшихся лучшими мореплавателями в мире: и как управлять каравеллой при встречном ветре и в шторм, и как держаться у подветренного берега, и какой объем припасов брать с собой в долгое плавание, и как их правильно складывать на борту, и еще целый ряд важных и нужных тонкостей. Каждое плавание, совершенное Колумбом под флагом Португалии, повышало вероятность успеха великого предприятия, которое, бесспорно, уже крутилось в голове будущего Адмирала. Но, самое главное, он приобрел уверенность в том, что с хорошим и надежным кораблем под собственным началом вкупе с Божьей помощью границы известного мира могут быть бесконечно расширены и эпоха открытий только еще началась. Личная практика мореплавателя указывала на то, что нельзя упираться лишь в знания великих древних: тропическая зона оказалась пригодной для жизни, а он побывал в местах, никогда не виденных и не описанных ни греками, ни римлянами.

Вернувшись домой из гвинейского путешествия, Христофор Колумб был готов сделать королю Португалии удивительное предложение.

Глава 5

Колумб со стороны

Христофор Колумб, генуэзец, мужчина высокий и хорошо сложенный, с румянцем на вытянутом лице, обладающий огромным творческим талантом.

Анжело Тревизан⁵¹

Итак, согласно стандартам того времени, Христофор Колумб, опытный моряк тридцати лет, торговый представитель, пользующийся доверием и имеющий деловые отношения с одним из ведущих торгово-банкирских домов Италии, связанный через брак с двумя вельможными семьями Португалии, был полностью готов к построению завидной карьеры. Следовало лишь только не отклоняться от восходящей кривой торгового судоходства и добиваться успеха. Возможно, его семья и друзья хотели, чтобы так и происходило. Не исключено, что донья Фелипа пыталась убедить мужа оставить юношеские мечты и уделить внимание морской торговле. «Теперь вы отец, сударь, и должны остепениться, как это сделал мой родитель! Аккуратный дом и садик с видом на Тежу к вашим услугам! Оттуда вы можете наблюдать, как красивые корабли приходят и уходят...»

Никогда! Не ради этого Христофора крестили таким именем, и до самой смерти ему предназначалось носить Христа!

Сделаем паузу и выясним, если сможем, каким же человеком был Колумб в опасном тридцатилетнем возрасте – опасном с точки зрения сохранности юношеских амбиций, крушения идеалов и видений. Именно эти годы заставляют скитальцев остепениться, они высасывают огонь пылких стремлений и превращает мужчин в полосатых котов, довольных тем, что сидят у камина.

Никакого описания Колумба в этот период не существует, но мы можем вернуться к тому, что говорили о нем современники после великого открытия. Овьедо⁵², ставший свидетелем триумфального вступления Адмирала в Барселону в 1493 году, говорил о нем в работе, напечатанной сорок лет спустя: «Человек честных родителей и честный по жизни сам, приятной внешности, выше среднего роста и с сильными конечностями; живые глаза и другие части лица хороших пропорций, волосы очень рыжие, лицо несколько румяное и веснушчатое; справедливый в речи, тактичный и большого творческого таланта; хороший латинист и ученейший космограф; любезен, когда хотел, и вспыльчив, когда раздражен».

Фернандо Колумб, беспрестанно пребывающий с отцом в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет, пишет следующее: «Адмирал был хорошо сложенным мужчиной более чем среднего роста, с удлинённым лицом, не полным и не худым, с несколько выступающими скулами. У него был орлиный нос и светлые глаза; цвет лица тоже был светлым, но переходящим порой в яркий румянец. Светлые в молодости волосы стали седыми к тридцати годам. В еде, питье и одежде он всегда был сдержан и скромнен. С незнакомыми людьми разговаривал приветливо, а с домочадцами очень приятно, но со скромным и милым достоинством. В вопросах религии он был настолько строг, что за соблюдение поста и совершение всех канонических обрядов его можно было принять за члена религиозного ордена. И он был таким большим врагом ругани, что, клянусь, я никогда не слышал, чтобы он произносил какую-либо другую клятву, кроме „клянусь Сан-Фернандо“, а уж когда совсем сердился на кого-либо, весь выговор

⁵¹ Анжело Тревизан – венецианский дипломат, канцлер и секретарь Доменико Пизано, посланника Венецианской Республики в Испании.

⁵² Гонсало Фернандес де Овьедо (1478–1557) – испанский историк, писатель, натуралист и этнограф.

состоял в словах „Да приберет тебя Бог!“ за то, что ты сделал или сказал. Когда ему нужно было что-нибудь написать, он не брался за перо, не написав сначала „Jesus cum Maria sit nobis in via“⁵³ такими красивыми буквами, что мог бы зарабатывать на хлеб одной лишь каллиграфией».

Лас Касас, отец и дядя которого ходили вместе с Колумбом на одном корабле и были колонистами, встречался с Адмиралом на Эспаньоле в 1500 году. Он дополняет описание Фернандо в «Истории Индии»:

«Что касается его внешности и физического склада, он был более чем среднего роста; лицо удлинненное и придавало ему властный вид; орлиный нос, голубые глаза, светлый цвет лица с тенденцией к ярко-рыжему, борода и волосы рыжие в молодости, но очень скоро поседели от его трудов; он был приветлив и жизнерадостен в разговоре и красноречив. Он был серьезен в меру, приветлив с незнакомцами, а с членами своей семьи нежен и приятен, со скромной серьезностью и сдержанностью; и поэтому мог легко внушить тем, с кем виделся, любовь и приязнь. В целом он был самым впечатляющим в своем облике, человеком большого государства и авторитета, достойным всякого почтения. Он был трезв и умерен в еде, питье, одежде и обуви; обычно говорили, что он изъяснялся весело в фамильярном разговоре или с негодованием, когда делал упрек или сердился на кого-то: „Да приберет тебя Бог, разве ты не согласен с тем-то и тем-то“ или „Почему ты сделал то-то и то-то“. В вопросах христианской религии, без сомнения, он был католиком и отличался большой набожностью, ибо во всем, что он делал, говорил или пытался начать, он всегда вставлял: „Во имя Святой Троицы я сделаю это“, или „начну это“, или „это сбудется“. Любое письмо или рукопись он начинал словами „Jesus cum Maria sit nobis in via“, и этих писаний, написанных его собственной рукой, у меня сейчас предостаточно. Его клятва иногда звучала „Клянусь Сан-Фернандо“. Когда же пытался подтвердить что-то очень важное в своих письмах под присягой, особенно в письмах к монархам, он говорил проще: „Клянусь, что это правда“.

Он самым добросовестным образом соблюдал церковные посты, часто исповедовался и причащался, читал канонические службы, как церковник или член религиозного ордена, ненавидел богохульство и нецензурную брань, был больше всего предан Богоматери и серафическому отцу святому Франциску. Казалось, Христофор был очень благодарен Богу за блага, полученные от Церкви, потому, как в пословице, он ежечасно признавал, что Бог даровал ему великие милости, как и Давиду. Когда ему приносили золото или какие-то другие драгоценности, он входил в свою каюту, опускался на колени, созывал свидетелей и говорил: „Давайте возблагодарим Нашего Господа за то, что он счел нас достойными открыть для себя так много хороших вещей“. Он был необычайно ревностен к богослужению, он желал и стремился к обращению этих людей [индейцев] и к тому, чтобы в каждом регионе насаждалась и укреплялась вера в Иисуса Христа. И он был особенно тронут и предан идее, что Бог должен считать его достойным некоторой помощи в восстановлении Гроба Господня...

Он был благородным человеком большой силы духа, возвышенных мыслей, естественно склонным (это можно почерпнуть из его жизни, деяний, бумаг и разговоров) предпринимать достойные поступки; терпеливый и даже долготерпеливый (как позже появится), прощающий обиды и не желающий ничего больше, чтобы те, кто оскорблял его, признали свои ошибки и помирились; самый постоянный и наделенный терпением в трудностях и невзгодах, которые всегда происходили всегда и казались порой невероятными и бесконечными. И воистину, из того, что я слышал от него и от моего собственного отца, бывшего с ним при возвращении на Эспаньолу в 1493 году, и от других, кто сопровождал его и служил ему, он придерживался бесконечной верности и преданности своим повелителям».

⁵³ Иисус и Мария да пребудут с нами в пути (*лат.*).

Таким явился Колумб тем, кто знал его, потрудился изучить характер и написать о нем через несколько лет после смерти первооткрывателя. У читателя будет достаточно возможностей самому судить о характере Адмирала. Физическое мужество, которое ранние историки считали само собой разумеющимся, он найдет в изобилии. Стоит добавить сюда же и неутомимое упорство и нестигаемую волю. Мы не пытаемся выстроить идеальный образ: у Колумба еще проявятся определенные недостатки, особенно касающиеся отсутствия должной оценки усилий своих подчиненных, нежелания признать свои недостатки как колонизатора и склонности жаловаться и сожалеть о себе всякий раз, когда правители из-за этих недостатков теряли к нему некоторую степень доверия. Но именно эти недостатки и делали его великой исторической личностью. Колумб не был ни Вашингтоном, ни Кромвелем, ни Боливаром, то есть неким орудием, выбранным множеством людей для выражения общественной воли. Этот человек просто честно нес возложенную миссию, а такие люди склонны быть неразумными и даже неприятными для тех, кто этой миссии не видит. Он не требовал ни псалмопений, ни барабанов с трубами, поскольку оставался личностью наедине с Богом против человеческой глупости и разврата, против жадных конкистадоров, трусливых моряков, даже против природы и моря. Невзирая на некоторых критиков, биографы Колумба бесконечно правы: он всегда пребывал в глубокой христианской вере, никогда не сомневаясь, что Бог всегда находится с теми людьми, которые уповают на него в своих добрых делах. И эта вера была не только подлинной и искренней, но и жизненно важным элементом его достижений, придававшим уверенность в избранной судьбе, соответствующей его имени. Убежденность в том, что Бог предназначил ему быть орудием для распространения веры, была гораздо сильнее, чем желание снискать славу, богатство и мирские почести, хотя к которым, конечно, он был далеко не равнодушен.

Инцидент во время Второго путешествия доказывает, что даже в разгар активного мореплавания Колумб мог полностью погрузиться в богослужение. Однажды утром у Портлендского залива на Ямайке, когда Адмирал молился в своей каюте, на каравеллу пожаловал местный касик⁵⁴ с огромной свитой. Это, должно быть, вызвало немалое волнение на палубе, но ни громкие крики, ни разговоры, ни суматоха не мешали молитвам капитана, и он в полной отрешенности закончил молитву, даже не подозревая, что на борту происходит что-то необычное.

Физическое описание Колумба показывает, что он принадлежал к североитальянскому типу, которого сегодня часто можно увидеть в Генуе. Высокий и хорошо сложенный, рыжеволосый, с румяным и веснушчатым лицом, горбоносый, голубоглазый и с несколько высокими скулами – к сожалению, ни один его портрет не был написан при жизни, ибо великий век испанской портретной живописи был еще впереди (равно как и прижизненные образы монархов того времени, Фердинанда и Изабеллы, известны нам только по монетам). Не менее семи-десяти одного предполагаемого «оригинального портрета Колумба» (или их копии) было представлено на Чикагской выставке 1893 года. Посетители могли увидеть Колумбов белокурых и Колумбов смуглых, Колумбов с чистым лицом и Колумбов с разными усами, бородами и бакенбардами; Колумбы были облачены во всевозможные костюмы – светские и церковные, дворянские и вульгарные, от францисканских мантий до придворных платьев: стиль одежды охватывал не менее трех столетий. Большинство из Колумбов никоим образом не соответствовали описаниям современников, и, изучавшие эти портреты не нашли удовлетворительных доказательств, что хоть одно из представленных изображений имело какое-нибудь отношение к подлиннику.

Портрет, имеющий наибольшие претензии на подлинность, – так называемый Джовио, принадлежащий графу Алессандро де Орчи. Епископ Паоло Джовио (1480–1552), врач, гуманист и коллекционер, начал собирать галерею портретов знаменитых людей с 1512 года на

⁵⁴ К а с и к – испаноязычный термин, обозначающий лидера, вождя, военачальника коренной группы населения.

своей вилле на озере Комо. Описанная Вазари⁵⁵(1550), эта коллекция, как известно, включала и портрет Колумба. Сам граф Орчи, который происходил от племянника Джовио, всегда утверждал, что у него находится оригинальное изображение великого мореплавателя. Однако мы не имеем никаких доказательств, что этот портрет не более чем плод фантазии второсортного итальянского художника, никогда не видевшего Адмирала. На портрете, подписанном «COLOMBVS LYGVV NOVI ORBIS REPERTOR», голова и плечи пожилого мужчины с седыми волосами, опущенными бровями, скорее круглым, чем длинным лицом с удрученным выражением. Самая заметная черта – упрямый прямой рот с оттопыренной нижней губой. Церковная одежда проста, причем определенно не францисканского стиля.

Примечательно, что в 1577 году в Базеле был издан фолиант «Изображения музея Джовио», содержащий 130 гравюр с портретами из галереи. На одной из них изображен мореплаватель, совсем не похожий на Колумба с портрета графа Орчи. Он смотрит прямо на наблюдателя с дружелюбным и довольно расслабленным выражением лица и одет во францисканскую рясу, которую, как известно, адмирал принял после Второго плавания. Граверы шестнадцатого века позволяли себе слишком большие вольности, поэтому нельзя быть уверенным, что и эта гравюра имеет какое-либо сходство с оригиналом.

Каждый биограф Адмирала находит среди восьмидесяти и даже более так называемых «портретов Адмирала» тот, который ему больше всего нравится, и выбирает его как «своего» Колумба. Идеальный портрет, написанный в девятнадцатом веке для Военно-морского музея Мадрида, полностью повторяет личные описания Колумба современниками и производит впечатление силы, достоинства и цельности.

На всем протяжении этой книги будут часто цитироваться четыре ранних источника о Колумбе и его путешествиях: Фернандо Колумба, Лас Касаса, Питера Мартиры и Овьедо. На этих четверых я полагаюсь, вероятно, больше, чем на любых остальных биографов, включая Вашингтона Ирвинга. «Научные» историки прошлого столетия почему-то склонны считать своих предшественников либо безнадежными любителями, либо неисправимыми лжецами, на которых не следует полагаться. Мой собственный опыт изучения и написания истории подтолкнул меня почти к противоположному полюсу: в первую очередь необходимо полагаться именно на современников, если, конечно, только они не являются явными фальсификаторами. Безусловно, суждение очевидцев также не претендует на окончательную истину, но оно основано на множестве увиденных и услышанных фактов (хотя и фантазий – тоже), которые теперь уже навсегда утеряны. Поздние биографы и историки должны руководствоваться документами, если они у них есть, сбрасывая со счетов выявленные при предвзятости. Зачастую часто раздражающе молчат по вопросам, на которые мы, возможно, особенно хотели бы получить ответы. Но для получения общего объема знаний о Колумбе и его деятельности указанная выше четверка так же необходима, как собственные труды первооткрывателя и испанские документальные источники.

Фердинанд Колумб, или дон Фернандо (Эрнандо) Колон, был сыном первооткрывателя и Беатрисы Энрикес де Хараны, родившимся в Кордове в августе или сентябре 1488 года. В возрасте десяти лет он был назначен пажом королевы, между двенадцатью и шестнадцатью сопровождал своего отца в Четвертом путешествии. Вернувшись вместе с ним в Испанию, для продолжения образования он отправился в Санто-Доминго со сводным братом Диего, ставшим в 1509 году вторым адмиралом, возвратился обратно через шесть месяцев и далее вел жизнь ученого, коллекционера, путешественника и литератора. Фернандо унаследовал от отца высокий рост и румяное лицо, но, в отличие от Христофора, вырос чрезвычайно тучным. По свидетельству очевидцев, дружелюбие и открытость снискали ему множество друзей.

⁵⁵ Джорджо Вазари (1511–1574) – итальянский живописец, архитектор и писатель, основоположник современного искусствознания.

Фернандо считался богатым человеком. Он получал неплохое жалованье на необременительных должностях по назначению короля и имел доход от четырехсот рабов на Эспаньоле, не считая доли отцовского имущества. Все это позволило Фернандо собрать богатую библиотеку и много путешествовать по Италии, Франции и Нидерландам, где он познакомился с Эразмом Роттердамским и получил презентационный экземпляр одной из работ великого мыслителя. С внебрачным сыном Колумба переписывалось множество ученых людей того времени, причисляя его к своему кругу. Его можно считать первым европейским интеллектуалом, который привнес свежий воздух из Нового Света в европейскую литературу. В 1525 году «дон Эрнандо» поселился в Севилье, в доме на берегу реки с большим садом, который он засадил деревьями и кустарниками, привезенными из Америки. К моменту смерти в 1539 году великолепная библиотека Фернандо насчитывала более 15 000 томов и в конечном итоге перешла в кафедральный капитул Севильи. В невежественных руках это собрание подверглось постыдному пренебрежению и обветшалости, поэтому в настоящее время от нее осталось не более 2000 томов. Тем не менее «La Biblioteca Colombina», примыкающая к великому собору⁵⁶, в котором бывал сам Адмирал и где похоронены его сыновья, сегодня является источником вдохновения для каждого американского ученого. Она стала своего рода перегонным кубом, в котором новая цивилизация дистиллируется из классической учености, средневекового благочестия и современной науки. Там можно увидеть книги с комментариями, сделанными рукой первооткрывателя, его журналы и записи, содержащие интеллектуальные предпосылки для Великого предприятия, и даже можно прочесть знаменитое пророчество Сенеки об открытии в раннем издании его «Трагедий», принадлежавшем Фернандо, а рядом с ним эту простую, но великолепную аннотацию, сделанную рукой сына: «Наес profetia impleta est per patrem meum... almirantem anno 1492»⁵⁷.

Нам неизвестно, как рано Фернандо начал писать биографию отца, но она была закончена незадолго до смерти. Рукопись, которая с тех пор исчезла, была вывезена Луисом Колоном, внуком Адмирала, в Италию в 1568 году, еще до того, как было напечатано какое-либо испанское издание, и единственным сохранившимся текстом является итальянский перевод Альфонсо де Уллоа, напечатанный в Венеции в 1571 году. Название настолько длинное, что на него обычно ссылаются по первому слову – *Historie*.

Хотя подлинность *Historie* и подверглась нападкам со стороны Харриса, но даже великий бунтарь Виньо признает, что эта работа является «самым важным из наших источников информации о жизни первооткрывателя Америки». Первое издание в Италии объясняется вполне естественными причинами – во второй половине шестнадцатого века именно там был проявлен наибольший интерес к путешествиям и исследованиям, а Уллоа уже делал точные переводы таких произведений, как «История Индии» Кастаньеда⁵⁸. В *Historie*, написанной Фернандо, не стоит пытаться выискивать что-то особенное – это просто биография выдающегося отца, написанная преданным и любящим сыном. Наибольшую ценность она представляет в местах, касающихся Первого и Четвертого путешествий, особенно с учетом того, что в последнем Фернандо участвовал лично.

«История Индий» Бартоломео де Лас Касаса – единственная книга об открытии Америки, которую я хотел бы сохранить, если все остальные будут уничтожены. Это пространное произведение было начато приблизительно в 1527 году на Эспаньоле, его основная часть писалась между 1550 и 1563 годами после возвращения автора в Испанию, а впервые оно вышло в свет только в 1875 году. У Лас Касаса были под рукой все бумаги Колумба, включая дневники

⁵⁶ Подразумевается кафедральный собор Святой Марии Престольной (Севильский кафедральный собор).

⁵⁷ Это пророчество исполнилось моим отцом... Адмиралом в 1492 г. (*лат.*).

⁵⁸ Кастаньеда Фернандо Лопес (ум. 1559) – португальский историк, автор работы «История открытия и завоевания Индии португальцами».

и утерянный испанский оригинал биографии Фернандо. По словам очевидцев, его комната в колледже Сан-Грегорио в Вальядолиде была так забита рукописями, что в нее с трудом можно было войти и выйти оттуда.

Отец и дядя Лас Касаса прибыли на Эспаньолу в качестве колонистов во время Второго путешествия Колумба. Бартоломео, энергичный молодой двадцатилетний выпускник университета, появился там следом за родственниками, готовый сколотить свое состояние, как и другие. Вместо этого к нему пришло обращение к Богу, и в 1510 году Лас Касас стал первым священником, рукоположенным в Новом Свете. Миссионерский опыт на Кубе дал ему страстную убежденность, что индейцы – такие же люди и братья во Христе, которых следует обратить и относиться к ним как к единоверцам. Служению этой идее Лас Касас посвятил остаток своей жизни. Во все времена он был и апостолом, и защитником, и другом аборигенов, а порой и адвокатом. «История Индий», написанная не только ученым и богословом, но человеком самой широкой области действий, одновременно и очень интересна, и духовна, и надежна, как исторический источник. Лас Касас восхищался Колумбом, но, не стесняясь определенных оговорок, без колебаний осуждал его политику по отношению к туземцам. Его критическое чутье в обращении с текстами хорошо просматривается в главе о Веспуччи. Хотя временами Лас Касас и бывал разочаровывающе расплывчат в некоторых вопросах, которые мы хотели бы знать лучше, а также не вполне оправдан в отношении предметов, очень близких его сердцу, – индейцев, он оставил нам великую и благородную историю открытия и первого завоевания Америки.

Среди четырех перечисленных биографов Колумба Питера Мартиру отличает то, что он является самым ранним историком Нового Света. Итальянец, родившийся на берегу озера Маджоре в 1457 году, получил гуманистическое образование и в возрасте тридцати лет отправился в Испанию, где ученость и достижения сделали его желанным членом двора. Он читал лекции восторженным студентам в Саламанке, принимал участие в войне с маврами и вместе с двором в Барселоне приветствовал Колумба при его возвращении из Нового Света. Питер Мартира очень интересовался «Индией», выкачивал информацию у Колумба и других товарищей по кораблю, помогал распространять хорошие новости в своих письмах итальянским друзьям и уже в 1494 году решил написать историю открытия и завоевания Нового Света – термин, придуманный им самим. В этом замысле он упорствовал, хотя дипломатические назначения и обучение молодых придворных аристократов постоянно отвлекали от намеченной работы. Он принял священный сан, чтобы иметь возможность заочно получать церковные доходы, в том числе и от монастыря на Ямайке, после чего безбедно жил в Вальядолиде.

Первое издание *Decade de Orbe Novo*⁵⁹ вышло в 1511 году, а английский перевод Ричарда Идена, впервые опубликованный в 1555 году, сохранил свежесть в Елизаветинскую эпоху. Ценность писем Питера Мартира и его «Десятилетия» очень велика, поскольку автор обладал острым и критическим умом, проникшим в некоторые космографические фантазии Колумба, которые менее эрудированный Лас Касас был склонен принять без критики. Кроме того, Мартира дает нам больше информации о Втором путешествии, чем любой другой современный историк. Он никогда не посещал Новый Свет и, по-видимому, не особенно восхищался Колумбом, но давал честный и прямой отчет о его заслугах.

Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес, сокращенно Овьедо, был пятнадцатилетним барселонским идалго, когда Колумб прибыл туда в 1493 году. Близкий друг инфанта дона Хуана, он участвовал в Неаполитанской войне под командованием Гонсальвы де Кордовы и после целого ряда приключений и занятий в 1513 году отправился в Америку вместе с Педриасом Давилой⁶⁰ в качестве контролера золотых приисков Дариена. Овьедо провел трид-

⁵⁹ «Десятилетие Нового Света» (лат.).

⁶⁰ Педра риас Давила (ок. 1468–1531) – испанский конкистадор, управляющий первыми европейскими колониями в Аме-

цать четыре года в разных частях Карибского бассейна. Краткое описание Америки, которое он составил во время визита домой в 1526 году, оказалось настолько хорошим, что его сделали официальным летописцем «Индии», а в 1535 году появился первый том его «Общей и естественной истории Индии». Овьедо обладал незаурядной наблюдательностью, и его описания вест-индской флоры и фауны были проиллюстрированы его собственными набросками, а о главах, посвященных вопросам навигации, можно отзываться только в превосходной степени. В повествовательном историческом изложении он, безусловно, уступает Лас Касасу, зато отчеты о путешествиях Колумба, хотя и несколько скудные, были написаны раньше Фернандо и Лас Касаса, то есть основывались на устных источниках, к которым ни у кого не было доступа, и, следовательно, не подвергались каким-либо правкам.

Таким образом, у нас есть четыре современных и довольно полных рассказа о Колумбе и его путешествиях: один написан благочестивым и образованным сыном, один – страстным апостолом индейцев, один – искушенным латинистом и придворным, а четвертый – кабальеро, художником и человеком действия. Все четверо видели Колумба, причем Фернандо на уровне сыновней близости и товарища по кораблю в дальнем плавании. Трое из них посещали Новый Свет и прожили там несколько лет, являясь при этом свидетелями подвигов Колумба. В дополнение к тому, что написали они и менее важные современники, сохранилось значительное количество собственных писем Колумба, рукописей и аннотированных книг, а современные документы, опубликованные Наваррете⁶¹ и в *Raccolta Colombiana*, делают историю еще более объемной. Хотя сейчас в наших руках имеется слишком скудная информация о жизни Адмирала до сорока лет, нет никаких оснований считать Колумба человеком-загадкой. Его жизнь и путешествия задокументированы намного лучше по сравнению с любым другим великим мореплавателем или первооткрывателем до семнадцатого века.

рике.

⁶¹ Мартин Теодоро Фернандес де Наваррете (1765–1844) – испанский историк, моряк, научный писатель.

Глава 6

Индийское предприятие (1474–1492)

*Промчатся года, и чрез много веков
Океан разрешит оковы вещей,
И огромная явится взорам земля,
И новый Тифис откроет моря,
И Туле не будет пределом земли.*

Сенека. «Медея»

Теперь мы должны ответить на важнейший вопрос о том, что пытался сделать Колумб, откуда у него появилась эта идея и как он ее реализовал.

«Эмпреса де лас Индиас», как назвал Колумб свое предприятие спустя годы, состояло просто в том, чтобы достичь «Индии», то есть Азии, плывя на запад. Это была главная идея, которой подчинялось все остальное. Он рассчитывал получить золото, жемчуг и пряности путем торговли или завоеваний, когда «Индия» будет достигнута.

При этом Колумб предполагал, что найдет по пути один или несколько островов, которые могли бы оказаться удобными в качестве портов захода, если не прибыльными сами по себе, но у него не было ни мысли, ни намерения найти континент, который мы называем Америкой.

Более того, он даже не подозревал о его существовании. Америка была открыта совершенно случайно, и только во время своего Третьего путешествия Колумб осознал, что открыл новый континент.

Эти утверждения могут показаться слишком прямолинейными в глазах читателей, которые следили за так называемой «колумбовской» литературой последних пятидесяти лет, однако примерно до четырехсотлетия открытия в них никто не сомневался. Это мнение исходит от самого Колумба, от его сына Фернандо, от Лас Касаса, от Питера Мартиры, первого историка Нового Света, от Овьедо, первого официального историка Испанской империи, и от португальского историка Жуана де Барросо⁶². Идея настолько явно согласуется со всеми источниками, что «азиатскую» цель Колумба следует рассматривать как само собой разумеющийся факт, не требующий дополнительных объяснений и доказательств. Широчайший спектр историков с 1600 по 1892 год – Бензони, Эррера, Муньос, фон Гумбольдт, Вашингтон Ирвинг, Генри Харрис, Джастин Уинзор, Чезаре де Лоллис – сходились во мнении, что Колумб отправлялся на поиски какой-то части «Индии» – Японии или Китая (или того и другого вместе), но случайно попал в Америку.

Примерно в 1900 году о Колумбе начали писать люди, настолько «сообразительные», что «открыли» заново скрытое веками, хотя у них была лишь малая часть несистематизированных документов, но при этом ни одного устного или визуального свидетельства современников Колумба. Так, уже упомянутый выше Генри Виньо в двух толстых томах и многочисленных брошюрах выдвинул гипотезу о том, что Колумб не искал «Индию», не имел ни малейших намерений плавания в Китай, а лишь искал новые атлантические острова, о существовании которых у него была секретная информация, чтобы основать ценное поместье для себя и своей семьи. Пройдя места, где он ожидал найти такие земли, и, продвинувшись гораздо дальше на запад, Колумб пришел к выводу, что достиг Азии. Затем, с сыном Фернандо и Лас Касасом в

⁶² Жуан де Барросо (1496–1570) – португальский историк и писатель, названный позже «португальским Ливием».

качестве соучастников заговора, Колумб подделал дневник и письмо Тосканелли и даже сделал пометки на полях своих книг для доказательства того, что все время искал Азию!

Никогда не было выдвинуто никаких убедительных мотивов для этого гигантского заговора с целью искажения истины, но гипотеза Виньо стала темой для многочисленных «разоблачителей», которые продолжили историю с того места, на котором остановился «исследователь».

Для того чтобы по пунктам следовать Виньо и его преемникам, потребовался бы том большего объема, чем этот, но я страстно желаю, надеюсь, как и читатель, покинуть застойную гавань праздных спекуляций и выйти на чистую воду. Прежде всего меня интересует то, что сделал Колумб, а не то, что он предполагал сделать. Но даже и при таком подходе нельзя не заметить, что если бы его предприятие не имело цели в плавании на запад, в Азию, то не было бы необходимости в длительных встречах с учеными и правительственными вельможами, не потребовалось бы сложного снаряжения, не встречались бы препятствия в организации экспедиции, не выдвигались бы возражения. До 1492 года, в течение сорока лет, португальские монархи предоставляли дело открытия новых островов конкретным исследователям, и Колумб мог получить аналогичный грант на тех же простых условиях. Если он не собирался заняться чем-то более новым, важным и, в конечном счете, более прибыльным, то не было смысла требовать три корабля, наследственные титулы, прибыль от торговли и прочее. Хотя нет никаких оснований ставить под сомнение традиционную концепцию о том, что цель Колумба заключалась в достижении Азии, плывя на запад, есть много поводов для споров о том, откуда и когда он взял эту идею.

На эти вопросы никогда нельзя ответить с уверенностью. Колумб, по-видимому, никому об этом не рассказывал и, возможно, не помнил и сам. Любому философу или ученому, построившему свою жизнь на одной идее, было бы трудно сказать, в какой момент ее первый зародыш пришел ему в голову. Мысль о возможности путешествия на запад, чтобы попасть на восток, возможно, пришла Колумбу в детстве, когда он размышлял над историей своего тезки, или в юности, во время поста и молитвы, которые делают ум восприимчивым к вдохновению, или даже в зрелом возрасте, когда он наблюдал великолепный закат с палубы корабля. Кто знает? Такое может снисходить и безмолвно, как милость Божья, и в суматошном порыве страстного и эмоционального убеждения.

Конечно, эта теория не была для него оригинальной. Мы уже видели, что на этот счет, по слухам, утверждал Аристотель и действительно говорил Страбон. Поскольку не было никаких сомнений в сферичности мира, почти все признали, что теория Колумба верна. Главная особенность заключалась в том, что он предложил дать ей практический ход. Концепция плавания на запад в Китай в 1480 году была во многом похожа на идею авиационных полетов в 1900 году или достижения Луны сегодня – то есть идея теоретически обоснованная, но неосуществимая имеющимися средствами. Исходя из этого те, кто выступал против Колумба, были в некотором смысле более правы, чем он сам, ибо в 1492 году никто не смог бы доплыть до Азии, двигаясь в западном направлении, даже если бы на пути не стояла Америка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.